

СААДИ

ИЗБРАННОЕ

Ташкент — 1978

Издательство ЦК КП Узбекистана

Редколлегия: Х. С. Сулейманов, Ш. М. Шамухамедов (составитель), Д. Джаббаров, В. С. Пармузин (редактор), И. Ш. Шагулямов.

Один из классиков мировой литературы персидский поэт XIII века Саади Ширази является автором бессмертных произведений „Гулистан“ и „Бустан“.

Кроме отрывков из этих книг в настоящий сборник включены и лирические стихи поэта.

Саади.

Избранное. Сост. Ш. Шамухамедов. Ред. В. Пармузин. Т., Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1978.
151 с.: 1 л. портр.

И (Иран)

С $\frac{70404-4}{M-357(06)-78}$

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1978.

ГУЛИСТАН

(отрывки)

* * *

Ты покуда можешь говорить,
Время проводи в беседе, брат,
Завтра, как настанет смертный час,
Ведь уста невольно замолчат.

* * *

Что такое язык, о мудрец?
Это ключ от дверей кладовой.
Как узнать, если дверь заперта —
Там алмаз иль булыжник простой?..

* * *

Коль нужно говорить, и мудреца не бойся,
Но будь всегда учтив и зря не молви слова:
Два легкомысленных — болтающий без дела
И тот, что в нужный час замолкнет бестолково!

* * *

Велеречивый опытный старик
К речам вполне обдуманым привык.

Не смей промолвить, не обдумав, слова,
Пусть медленно, но говори толково.

И собеседникам не докучай,
Замолкни прежде, чем вскричат «кончай!»

Ты от зверей отличен слова даром,
Но лучше зверь, коль ты болтаешь даром!

* * *

Надменно вздымающий шею свою
Сломает ее непременно в бою.

* * *

Подумав как следует, мысль излагай,
А стен без фундамента не воздвигай.

* * *

Казалось бы, петух в бою — крепыш,
Но с соколом его ты не сравнишь.

И кошка — лев, коль попадутся мыши,
Но против тигра кошка — просто мышь.

* * *

Лишить желают радости счастливых
Несчастные, что знали сотни бед.

Глаза летучей мыши днем не видят,
Ужель виновно в этом солнце? Нет!

* * *

Мышей пусть лучше тысяча ослепнет,
Но солнца пусть вовек не меркнет свет.

* * *

Одно сынов Адама естество,
Ведь все они от корня одного.

Постигнет одного в делах расстройство,
Всех остальных охватит беспокойство.

Тебе, не сострадающий другим,
Мы человека имя не дадим.

* * *

Твой друг — не собутыльник на пиру,
Когда тебе сопутствует удача,

Но тот, кто руку помощи подаст
Среди беды, несчастья и плача.

* * *

Пусть ум осла бывает невелик,
Ему почет, коль к ноше он привык.

С поклажей вол иль ослик терпеливый
Почетнее, чем человек бранчливый.

* * *

'Хранитель бедных — каждый государь,
Хотя на нем величия печать;

Нет, овцы не живут для пастухов —
Пастух живет, чтоб их оберегать.

* * *

Ты знаешь, что сказал мне утром соловей?
«Что ты за человек, коль ты лишен страстей?»

Верблюд пришел в восторг, лишь услышав стихи,
Стихи не любящий тупее всех зверей!

* * *

Достигнув благоденствия и власти,
Они и видеть не хотят друзей,
Но в день несчастья, в день своей отставки
К друзьям несут весь груз своих скорбей.

* * *

Совсем неплохо навещать людей,
Но не части, а то вскричат: «Довольно!»
Побольше укоряй ты сам себя —
Не будет от чужих упреков больно.

* * *

...Лучше быть с друзьями даже и в оковах,
Чем в саду прекрасном рядом быть с врагами.

* * *

Коль добрый муж жену дурную взял в свой дом,
То жизнь его и здесь мы адом назовем.

Бояться злой жены сильнее, чем смерти, надо,
О господи, спаси от этой муки ада.

* * *

Мы лишь того зовем ученым, кто добродетельно
живет,
А не того, кто поучает, а делает наоборот.

— 6 —

* * *

Как золото — ученого природа,
Ему повсюду воздадут почет.

Невежда-князь — фальшивая монета,
Что на чужбине нищий не берет.

* * *

Не будет терпеть ни нужды, ни лишений ,
Покинувший край свой сапожник безродный.

Когда ж царь Нимруза покинет пределы
Родимой страны, то заснет он голодный.

* * *

Хоть хлеб насущный нам ниспослан свыше,
Ищи его в полях, чтоб не пропасть.

Хоть не умрет никто, коль час не пробил,
Ты не бросайся все ж дракону в пасть.

* * *

Насилью противопоставь смиренье —
И кротостью запрешь врата сраженья.

Насильник кротость встретил и умолк —
Ведь острый меч не режет мягкий шелк.

Слона вести ты можешь без опаски
За волосок — побольше только ласки...

* * *

Коль тучи комаров начнут кусать слона,
То, как он ни могуч, едва ль спасется слон.

— 8 —

* * *

Искусный врач хлопочет над больным,
Когда больной умолк и недвижим...

Хозяин яркой краской красит зданье,
Хоть рушится, истлевши, основанье...

Старик в предсмертных корчах застонал —
Старуха трет для бороды сандал...

Утратишь равновесие здоровья —
Поверь, что смерть стоит у изголовья.

* * *

Я ласкою любовь твою добуду,
Я обижаться на тебя не буду...

Коль сахар любишь ты, как попугай, —
Моей души ты сахар забирай.

* * *

С другим я жизнь в раю снесла б едва ли,
С тобою же и ад мне не угроза —

Ведь запах лука изо рта красавца
Приятней, чем в руках урода роза.

* * *

С отцовой смерти ведь ни разу ты
Его могилу посетить не мог —

Что доброго ты сделал для отца,
Чтоб для тебя был лучше твой сынок?

* * *

У цели хочешь быть — спешить не надо,
Неторопливо совершай поход;

Арабский конь летит лишь два фарсаंगा,
Верблюду неспешный день и ночь идет.

* * *

Поверь мне, старцу не до прибауток —
Лишь в юности пора забав и шуток.

* * *

Старухе, густо волосы чернившей,
Однажды задал я такой вопрос:

«Коль будешь волосы чернить, бабуся,
Поднимется ли твой отвисший нос?»

* * *

Отлично старуха заметила сыну,
Увидев, что он даже тигров сильней:

«Когда бы ты вспомнил, как в детстве, бессильный,
Ты спал на груди материнской моей,

Не стал бы, сынок, обижать ты старуху.
Согбенную гнетом трудов и скорбей».

* * *

Недавно один старичок, очень дряхлый, задумал:
«Женюсь-ка и всем покажу — я еще молодец!»

Посватал красавицу он, что «Жемчужиной» звали,
Укрыл он ее от людей, словно жемчуг в ларец...

Свершился и брачный обряд, как желает обычай,
Но в битве себя показал недостойным боец.

Он, лук натянув, промахнулся — суконное платье
Прошьет лишь стальной иглой многоопытный швец.

* * *

Кто в детстве не получит воспитания,
Не будет счастья в жизни знать потом;
Сгибай сырую палочку как хочешь —
Сухую выпрямишь одним огнем.

* * *

Когда наставник не довольно крут,
То дети все вверх дном перевернут.

* * *

Царь в школу сына поместил, чтоб тот вступил на
правый путь,
Серебряной дощечкой царь велел ему украсить
грудь
И золотом по серебру слова начертаны сурово:
«Полезней жезл учителей, чем баловство отца
родного»!

* * *

Когда доходов ты лишен, расходов лишних избегай,
Ведь корабельщик на реке недаром весело поет:
«Коль не пополнят убыль вод дожди, идущие
в горах,
То даже сам могучий Тигр иссякнет ровно через
год!»

* * *

Кто щедростью прославлен среди народа,
Тот знает, что деньгам нужна свобода.

Коль славен ты на улице своей,
Как ты закроешь двери для людей?

* * *

Ты не скупись на добрые советы,
Пусть собеседник твой — пустоголов.
Хотя твои советы не помогут
И не избавят дурня от оков,
Пусть он хотя бы разведет руками
И скажет: «Жаль, не слушал добрых слов!»

* * *

Беспутный гуляка, поверь, никогда
Не вспомнит, что ждет его завтра беда.
Соря семенами весной веселой,
Зимой деревья останутся голы.

* * *

Внимал однажды сын отцовским наставленьям,
Отец сказал: «О сын, запомни мой завет:
Тот, кто родителей своих не уважает,
Не будет знать любви, узнает много бед».

* * *

Когда бы женщина, о муж благоразумный,
Рожала только злых и ядовитых змей,—
По мнению мудрецов, все ж это было б лучше,
Но только не рожать бессовестных детей!

* * *

Капля семени в утробе облик обретет людской,
Если только там спокойно сорок дней лишь
проведет.

Но когда сорокалетний знаний и ума лишен,
Настоящим человеком не зовет его народ.

* * *

Человек великодушным, щедрым должен быть,
Человек ли ты — не скажешь по чертам лица.

Храбрым будь в душе — немного значит храбрый
вид,

И намалевать нетрудно облик хабреца.

Если доблести лишен ты, нет в душе добра,
Ты походишь на картину — иль на мертвеца...

Захватить мирские блага — в том заслуги нет,
Если можешь ты, попробуй, завоюй сердца!

* * *

Не каждый, кто стрелою меткой может
Пронзить кольчугу, волосок рассечь,

В тот миг, когда в бою придется круто,
Сумеет взяться за булатный меч.

* * *

За важным делом посылай ты опытных мужчин.
Что заарканить бы могли свирепейшего льва.

Пусть юноша силен, могуч, пусть крепок он, как
слон, —

Но он, когда придут враги, увянет, как трава.

А ратник опытный познал закон суровых битв,
Как знает муж-законовед священные слова.

* * *

Поверь мне, тот не человек, кто бесполезно прожил
жизнь,
Кто в жизни лишь добро копил, не пользуясь своим
добром.

* * *

Как много в жизни ты не выучил наук,
Коль не приложишь их, то будешь неуч, друг...

* * *

Осел не будет ничему научен,
Хотя бы связкой книг он был навьючен...
Безмозглый скот — как может он узнать,
Что он везет — полено иль тетрадь?

* * *

Кто продал набожность, воздержанность, науку,
Тот жатву снял и сжег, обрек себя на муку.

* * *

Если только будешь ласков и любезен с подлецом,
Государству навредит он — ты виновен будешь
в том.

* * *

Души, о друг, не отдавай той, у которой сто
друзей, —
Иначе распростишься навек с любезною душой своей.

* * *

Не верь обетам, и другому ты тайн своих не
открывай;
Он не удержится, расскажет про все другому
человеку...

Глупец, у самого истока запруду возводи всегда:
Когда ручьи воды добавят, едва ли ты запрудишь
реку.

* * *

Борьба меж двух врагов напоминает пламя,
Снабжает ябедник огонь вражды дровами.
Когда же между них настанет снова мир,
Он будет пристыжен, печален, грустен, сир...
Кто вечно разжигать вражду людскую любит,
Того в конце концов его ж огонь погубит.

* * *

Будь осторожен, говоря с друзьями,
Чтобы не дать подслушивать врагу;
Беседовать у стен остерегайся —
Вдруг ухо за стеной в одном шагу?

* * *

Коль сблизился твой друг с твоим врагом,
Будь мудр и тотчас позабудь о нем.

* * *

Не говори с мягкосердечным грубо,
Не ссорься с тем, кому затишье любо.

Будь кротким и суровым — пополам,
Как врач: и режет он и льет бальзам...

Всегда суровы только грубияны,
Но есть и в вечной кротости изъяны.

Разумному заносчивость чужда,
Но он не стерпит также и стыда.

* * *

Пастух просил совета у отца:
«Подай совет, достойный мудреца!»
«Настолько ты забудь мягкосердечье,
Чтоб волк не ведал путь в стада овечьи».

* * *

И если бы от рук беды ушел злонравный
в небеса —
Он был бы все равно в беде от злого нрава своего.

* * *

О соловей, нам возвещай всегда благой весны
приход,
А весть дурную пусть сова, ночная птица, принесет.

* * *

Тогда лишь слово в ход пустить — твой долг,
Когда уверен ты, что будет толк.

* * *

Не слушай похвалу любого златоуста,
Когда хвалить тебя велит ему нужда;

Пусть ты лишь раз его желанья не исполнишь —
Пятьсот пороков он найдет в тебе тогда.

* * *

Если по сердцу ты и пришелся невеждам ретивым,
В самомненье пустом не считай себя красноречивым.

* * *

Иудей с мусульманином спорили раз на базаре —
Я давился от смеха во время того разговора.

Мусульманин кричал возмущенно: «Коль купчая
крепость
Не годится, пусть я нудеем умру от позора!»

Собеседник вопил: «Мусульманином стать я
согласен,
Если я поступаю нечестно — свидетель мой Тора».
Да, никто про себя не подумает: «Глуп я, наверно»,
Если разум навеки исчезнет с земного простора.

* * *

Тощую кишку ты можешь хлебным мякишем
наполнить,
Жадный глаз ты не насытишь видом всех земных
богатств.

* * *

Злосчастней нет обидчика людей —
В день бедствия он не найдет друзей.

* * *

На Востоке, слышал я однажды, над чашей
китайской
Сорок лет просят — и выходит всего лишь одна;

Иль говори, как человек, толково,
Иль, словно скот, не говори ни слова.

Когда старейший начинает речь,
Ты, даже лучше зная, не перечь!

* * *

Коль ангел с чертом поведет знакомство,
Усвоит он одно лишь вероломство.

Добру злодей не выучит никак,
Из волка не получится скорняк.

* * *

И не ищи невидимых пороков —
Людей стыдя, натерпишься упреков.

* * *

По внешним признакам легко за день один узнаешь
ты,
Насколько человек умен, насколько знание глубоко;
Но душу так не распознать — не попадайся на
обман:
Ведь подлость и за много лет раскрыть бывает
нелегко...

* * *

Не сможет неженка и белоручка
Мечом с отважным воином сразиться,

И слабый лишь по глупости великой
Вступает в бой с железною десницей.

* * *

Легко души лишить живого,
Но мертвый жить не будет снова...

Стрелок не станет зря спешить:
Стрельнешь — стрелы не воротить.

* * *

Коль соловья посадят к воронью,
Захочется ль петь песню соловью?

* * *

Коль доблестного мужа обидят негодяи,
Пусть добрый без обиды подумает, рассудит:
Коль чашу золотую сомнет простой
булыжник,
Не станет он дороже, металл не хуже будет.

* * *

Я слышал как-то хвастовство глупца —
Он руганью осилил мудреца...
Но тих напев хиджазский благородный —
И громогласен барабан походный!

* * *

По капле собирается ручей,
Ручьи — озер начало и морей.
Великого начало — это малость,
Обилье хлеба по зерну сбиралось.

* * *

Коль слишком ласков будешь ты к невежде,
Он станет горделивее, чем прежде...

* * *

Бедняк из черни, что в лохмотьях ходит,
Ученых невоздержных превосходит.

Он сослепу сбивается с пути,
А там и зрячим прямо не пройти.

* * *

Своим трудом добытый укус и лук-порей ценней
всегда,
Чем хлеб и жареный барашек, коль их подарит
диххуда

* * *

Тогда лишь можешь ждать выздоровленья,
Когда твой пульс врачу пощупать дашь, мой друг;
Не знаешь — спрашивай; унизишься немного,
Зато достигнешь так благих вершин наук.

* * *

Невеждой станешь, без сомненья,
С невеждами вступив в общенье.

Спросив совета мудрецов,
Я услышал: «Не знай глупцов!»

От них ослом мудрейший будет,
Дурному — глупости прибудет.

* * *

Ни слова не промолвят мудрецы,
Пока никто не спрашивает их:

Неспрошенный пусть правду говорит —
Его причтут к числу людей пустых.

* * *

Привыкший вечно говорить лишь правду,
Хоть ошибется — будет вмиг прощен;

А кто, прославлен ложью, скажет правду —
Доверья все равно не встретит он.

* * *

Хоть пса камнями закидаешь ты —
Но никогда он хлеб твой не забудет.

Не то подлец — ласкай его всю жизнь.
Из пустяка с тобой он драться будет...

* * *

Обжорливым волком не будь прельщен:
Он много ест, но спит все время он.

Пусть и упитан он порой изрядно,
Но груз чужой тащить едва ль отраднo...

* * *

Птица не приблизится к зерну,
Коль другую видит средь сетей;

Ты бери пример с чужой беды,
Чтобы быть примером для людей.

* * *

Горе, несущее радости свет,
Лучше веселья — предвестника бед.

* * *

Если не в угоду тебе мой добрый нрав,
Все ж будь добронравным, презренья обуздав.

* * *

Велел художникам китайским Фаридун,
Чтоб вышли они на пологе владык..:

«Ты добрым будь к дурным, благоразумный муж,
Ведь добрые и так счастливы и велики».

* * *

Лучше старое рубище буду латать я —
Но зачем напрокат брать мне новое платье?

* * *

Мы дали назиданье, что ум наш занимало,
И дней на сочиненье затратили немало.

Не захотят, быть может, полезной книгу счесть —
Но долг посланца ясен: вручить он должен весть.

Читатель! Попроси же прощенья мне у бога
И сам суди о книге моей не слишком строго.

Коль что тебе полезно, бери себе, владей,
И о писце ты тоже молитвы не жалеи!

БУСТАН

(отрывки)

ПРИЧИНА НАПИСАНИЯ КНИГИ

По дальним странам мира я скитался,
Со многими людьми я повстречался,

И знанье отовсюду извлекал,
Колосья с каждой жатвы собирал.

Но не встречал нигде мужей, подобных
Ширазцам, — благородных и беззлобных.

Стремясь к ним сердцем, полон чистых дум,
И Шам покинул я, и пышный Рум.

Но не жалел, прощаясь с их садами,
Что я с пустыми ухожу руками.

Дарить друзей велит обычай нам,
Из Мисра сахар в дар везут друзьям.

Ну что ж, хоть сахару я не имею,
Я даром слаще сахара владею.

Тот сахар в пищу людям не идет,
Тот сахар в книгах мудрости растет.

Когда я приступил к постройке зданья,
Воздвиг я десять башен воспитанья.

Одна — о справедливости глава,
Где стражи праха божьего — слова,

Благотворительность — глава вторая —
Велит добро творить не уставая.

О розах — третья, об огне в крови,
О сладостном безумии любви.

В четвертой, в пятой — мудрость возглашаю,
В шестой — довольство малым прославляю,

В седьмой — о воспитанье говорю,
В восьмой — за все судьбу благодарю.

В девятой — покаянье, примиренье,
В главе десятой — книги заключение.

В день царственный, в счастливый этот год —
На пятьдесят пять свьше шестисот.

В день, озаренный праздника лучами,
Наполнился ларец мой жемчугами.

Я кончил труд, хоть у меня была
В запасе перлов полная пола.

Душа еще даров своих стыдится,
Ведь с перлами и перламутр родится.

Средь пальм непревзойденной высоты
В саду растут и травы и кусты.

И к недостаткам моего творенья,
Надеюсь, мудрый явит снисхождение.

Плащу, что из парчи бесценной шьют,
Кайму из грубой бязи придают.

Нет в этой книге пестроты сугубой,
Ты примиришь с ее каймою грубой.

Я золотом хвастливо не блещу,
Сам, как дервиш, я милости ищу.

Слышал я: в день надежды и смятенья
Аллах дурным за добрых даст прощенье.

Дурное услышав в моих словах,
Ты поступай, как повелел аллах.

Коль будет бейт один тебе по нраву,
Прости всю книгу, истине во славу.

Не удивлю стихами Фарсистан, —
Не удивишь ведь мускусом Хотан.

Свои грехи я на чужбине скрыл
И в этот гулкий барабан забил.

И шулки ради, розу гулистану
Я приношу, а перец — Индостану.

Так — финник: мякоть у него сладка,
Да косточка внутри ее крепка...

Из первой главы

**О СПРАВЕДЛИВОСТИ, МУДРОСТИ
И РАССУДИТЕЛЬНОСТИ**

Ануширван, когда он умирал,
Призвал Хормуза и ему сказал:

«Покинь чертоги мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!

Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собой?

Мобеды оправданья не отыщут,
Что спит пастух, а волки в стаде рыщут.

Иди пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!

Царь — дерево, а подданные — корни.
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.

Не утесняй ни в чем народ простой.
Народ обидев, вырвешь корень свой.

Путем добра и правды, в божьем страхе
Иди всегда, дабы не пасть во прахе.

Любовь к добру и страх пред миром зла
С рождения природа нам дала.

Когда сияньем правды царь украшен,
То подданным и Ахриман не страшен.

Кто бедствующих милостью дарит,
Тот волю милосердного творит

Царя, что людям зла не причиняет,
Творец земли и неба охраняет.

Но там, где нрав царя добра лишен,
Народ в ярме, немотствует закон.

Не медли там, иди своей дорогой,
О праведник, покорный воле бога!

Ты, верный, не ищи добра в стране,
Где люди заживо горят в огне.

Беги надменных и себялюбивых,
Забывших судию, владык спесивых.

В ад, а не в рай пойдет правитель тот,
Что подданных терзает и гнетет.

Позор, крушенье мира и оплота —
Последствия насилия и гнета.

Ты, шах, людей безвинно не казни!
Опора царства твоего они.

О батраках заботься, о крестьянах!
Как жить им в скорби, нищете и ранах?

Позор, коль ты обиду причинил
Тому, кто целый век тебя кормил».

И Шируйэ сказал Хосров, прощаясь,
Навек душой от мира отрекаясь:

«Пусть мысль великая в твой дух войдет:
Смотри и слушай, как живет народ.

Пусть в государстве правда воцарится. —
Иль от тебя народ твой отвратится.

**Прочь от тирана люди побегут,
Дурную славу всюду разнесут.**

**Жестокий властелин, что жизни губит,
Неотвратимо корень свой подрубит.**

**Ушедшего от тысячи смертей
Настигнут слезы женщины и детей.**

**В ночи, в слезах, свечу зажжет вдовица —
И запылает славная столица.**

**Да, только тот, который справедлив,
Лишь тот владыка истинно счастлив.**

**И весь народ его благословляет,
Когда он в славе путь свой завершает.**

**И добрые и злые — все умрут,
Так лучше пусть добром нас помянут.**

*** * ***

**Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край.**

**Кто, правя, труженников обижает,
Тот благу всей державы угрожает.**

**А власть злодея — сущая беда, —
Да не уйдет от грозного суда!**

**Кто добр поистине — добро увидит,
Злодей же сам детей своих обидит.**

**О правде ли к насильникам взывать,
Когда их с корнем надо вырывать!**

**Казни судей, в неправде закоснелых,
Трави, как хищников заматерелых.**

**Бесчинствам волка положи конец.
От истребленья огради овец.**

Когда слугу решаешь ты сместить,
Ты должен позже грех его простить.

Порой больной росток трудней исправить,
Чем сотню пленных от цепей избавить.

Ты знай: надеждой изгнанный живет,
Хоть рухнул жизни всей его оплот.

Шах справедливый, истинный мудрец,
Глядит на слуг, как на детей отец.

Порой — правдивым гневом пламенеет,
Но он и слезы отереть умеет.

Коль будешь мягок — обнаглеет враг.
Излишняя жестокость сеет страх.

Как врач, что ткань больную рассекает,
Но и бальзам на раны налагает,

Так мудр поистине владыка тот,
Что к добрым — добр, а злым отпор дает.

Будь благороден, мудр. Добром и хлебом
Дари людей, — ведь одарен ты небом.

Никто не вечен в мире — все уйдет,
Но вечно имя доброе живет.

Век не умрет оставивший на свете
После себя мосты, дома, мечети.

Забыт, кто не оставил ничего,
Бесплодным было дерево его.

И он умрет, и всяк его забудет,
И вспоминать добром никто не будет.

* * *

Во имя доброй славы в дни правленья
Мужей великих не топи в забвенье.

Скрижаль твою великих имена
На вечные украсят времена.

И до тебя здесь шахи подвизались,
И все ушли, лишь надписи остались.

Олив прославлен до конца времен,
Другой — навек проклятьем заклеивен.

* * *

Не верь доносчикам-клеветникам,
А, вняв доносу, в дело вникни сам.

Не верь словам, коль честного поносят,
И пощади, когда пощады просят.

Просящих крова — кровом осени.
Слугу за шаг неверный не казни.

Но если пренебрег он добрым словом
И вновь грешит — предай его оковам.

Когда же не пойдут оковы впрок,
Ты вырви с корнем тот гнилой росток.

Но, все вины преступника исчисля,
Ты, прежде чем казнить его, — размысли:

Хоть бадахшанский лал легко разбить, —
Осколки лала — не соединить.

РАССКАЗ

Раз из Омана прибыл человек,
Он обошел весь мир за долгий век.

Таджиков, тюрков и руми встречал он,
Все, что узнал у них, запоминал он.

Всю жизнь он странником бездомным был,
Но в странствиях он мудрость накопил.

Он был, как дуб могучий, но при этом
Не красовался ни листвою, ни цветом, —

Убог и нищ, лишь разумом богат.
Халат его был в тысяче заплат.

Томимый голодом, изнемогал он,
И от жары и жажды высыхал он.

Вот он явился в городе одном,
Где некий муж великий был царем,

Страннолюбив и чужд мирской забавы,
Тот царь хотел себе лишь доброй славы.

Велел пришельца шах во двор зпустить,
Насытить, в бане мраморной омыть.

И пыль и пот отмывши в царской бане,
Предстал он перед шахом на айване,

Приветствие султану возгласил
И руки на груди своей сложил.

А царь: «Поведай, из каких ты далей?
Какие беды к нам тебя пригнали?»

Что в мире видел ты за долгий век?
Ответствуй нам, о добрый человек!»

Открыл уста пришелец: «О владыка!
Тебе да будет в помощь бог великий!»

Я долго по стране твоей блуждал
И — честь тебе — несчастных не видал.

Не пьянствуют здесь, дух святой бесславя;
Закрыты кабаки в твоей державе.

И людям здесь обиду причинить
Запрещено, хоть негде пировать;

Зато в стране народ живет счастливо!» —
Так говорил пришлец красноречиво,

Как будто перлы сыпал океан...
Пленен его речами был султан,

Он гостя посадил с собою рядом,
Даров и милостей осыпал градом.

Тот жизнь свою владыке рассказал
И ближе всех душе султана стал.

И в сердце шахском родилось решенье:
Пришедшему вручить бразды правленья. .

«Но нужно постепенно! — думал он. —
Чтоб я в глазах вельмож не стал смешон.

Сперва в делах я ум его проверю,
А уж потом печать ему доверю!»

Печали тот испытывает гнет,
Кто власть глупцу над мудрыми дает.

Судья, ты взвесил приговор сначала б,
Чтоб не краснеть от укоризн и жалоб.

Обдумай все, кладя стрелу на лук,
А не тогда, как выпустишь из рук,

Проверь сперва, — завещано ст века, —
Как мудрого Юсуфа, человека,

Пока его познаешь, целый год
И даже больше времени пройдет.

Так изучал пришельца шах. На диво,
Он видит, честен муж благочестивый:

Нрав добрый, золотая голова,
Он не бросает на ветер слова.

Разумней всех вельмож, исполнен миром.
И сделал царь тогда его вазиром.

Стал править царством этот человек
Так мудро, будто правил целый век.

Так все привел он под свое начало,
Что ни одна душа не пострадала.

Ни разу повода дурным словам
Он не дал. Рты закрыл клеветникам.

Не видя в нем изъяна ни на волос,
Завистник трепетал, клонясь, как колос.

Правитель новый солнцем всех согрел,
Вазир же старый завистью горел.

В том мудреце не находя изъяна,
Наклеветать не мог он невозбранно.

А праведник и клеветник-злодей,
Как бронзовый сосуд и муравей.

Вот муравья сосудом придавили,
А бронзу муравей прогрызть не в силе.

И было два гулама у царя,
Красивых, словно солнце и заря;

Как солнце и луна; а ведь на свете
Им равный светоч не рождался третий.

Сказал бы ты: у них лицо одно
В другом, как в зеркале, отражено.

Ты сам, о царь мой, можешь убедиться!►
Вот так на свете клевета рождается.

Пусть подлый злопыхатель пропадет,
Пусть клеветник отрады не найдет.

В сопернике он мелочь замечает,
Пожар из малой искры раздувает.

Три щепки подожжет, и запылал
Огонь и дым, и двор, и сад объаял.

Царь выслушал донос. И запылал он,
Как на огне котел, заклокотал он.

И кровь дервиша он пролить хотел,
Но гнев смирил, собою овладел.

Вскормленного тобою человека
Казнить — постыдным числится от века.

Насильем правды в мире не добыть
И правосудия не совершить.

Не оскорбляй вскормленного тобою!
С ним связан ты и честью и судьбою.

Безумие пролить живую кровь
Того, кому ты оказал любовь.

Кого приблизил к своему айвану,
Найдя в нем доблесть, чуждую изъяну.

О всех его делах дознайся сам
И на слово не верь клеветникам.

Царь подозренья черные скрывал,
Сам за вазиром наблюдать он стал.

Ты, мудрый, помни: сердце — тайн темница,
Коль тайна вырвется — не возвратится.

Стал он дела вазира изучать,
Изъяна отыскать хотел печать.

И вот случайно тайны он коснулся,
Вазир его гуламу улыбнулся.

Дано от неба людям душ сродство,
Не скрыть его, не утанть его.

И как не может Диджлоу напиться
Водяночный, что жаждою томится,

Так на вазира юный раб глядел...
И в этом царь недоброе узрел...

Но гнев свой укротил он и спокойно
Сказал вазиру: «О мой друг достойный!

Досель светила мудрость мне твоя,
Тебе бразды правленья вверил я.

Я чтил твой дух и разум твой высокий,
Но я не знал, что ты не чужд порока.

Нет, не к лицу тебе, увы, твой сан!..
Виновен в этом сам я — твой султан.

Змею вскормившего удел печален,
Он будет, рано ль, поздно ли, ужален».

Главой поник в раздумье муж-мудрец
И так царю ответил наконец:

«Я не боюсь наветов и гонений,
У вас не совершал я преступлений.

Не знаю я, ты в чем меня винишь,
И не пойму, о чем ты говоришь!»

Шах молвил: «Чтоб исчезла тень сомненья,
Ты и в лицо услышишь обвиненье».

И весь вазира старого навет
Открыв, спросил: «Что скажешь ты в ответ?»

Тот молвил: «Спор внимания не стоит!
Завистник под меня подкопы роет.

Он должен был мне место уступить...
И разве может он меня хвалить?

Ты, государь, сместив, его обидел...
Он в тот же час врага во мне увидел.

Неужто царь, прославленный умом,
Не знал, что станет он моим врагом?

До дня суда он злобы не избудет,
И лгать всю жизнь и клеветать он будет.

И я тебе поведаю сейчас
Когда-то мною читанный рассказ.

Невольно мне он в память заронился:
Иблис провидцу одному приснился.

Он обликом был светел, как луна,
Высок и строен телом, как сосна.

Спросил сновидец: «Ты ли предо мною
Столь ангельскою блещешь красотой?»

Как солнце, красота твоя цветет,
А ты известен в мире, как урод.

Тебя художник на стене чертога
Уродиной малюет длиннорогой».

Бедняга див заохал, застонал
И так ему сквозь слезы отвечал:

«Увы, мой лик художник искажает.
Он враг мне, ненависть ко мне питает!»

Поверь, мой шах, я чист перед тобой,
Но враг мой искажает облик мой.

От зависти и злобы, как от яда,
Бежать, мой шах, за сто фарсангов надо.

Но не опасен гнев твой мне, о шах:
Кто сердцем чист, тот смел всегда в речах.

Завидя мухтасиба, как известно,
Дрожит купец, торгующий нечестно.

И так как только с правдой я дружу,
На клевету с презреньем я гляжу!»

Царь поражен был речью этой смелой
Душа его от гнева пламенела.

«Довольно, — крикнул он, — не обмануть
Тебе меня! Увертки позабудь.

Мне не нашептано клеветниками,
Нет, все своими видел я глазами.

Средь сонма избранных моих и слуг
Ты не отводишь глаз от этих двух».

И засмеялся муж велеречивый:
«Да, это правда, о мой шах счастливый.

Скрыть истину мне запрещает честь,
Но в этом тонкий смысл сокрытый есть.

Бедняк, что в горькой нищете страдает,
С печалью на богатого взирает.

Цвет юности моей давно увял,
Я жизнь свою беспечно растерял.

На молодость, что красотой богата,
Любуюсь. Сам таким я был когда-то.

Как роза цвел, был телом, как хрусталь,
Смотрю — и в сердце тихая печаль.

Пора мне скоро к вечному покою...
Я сед, как хлопок, стан согбен дугою.

А эти плечи были так сильны,
А кудри были, словно ночь, черны.

Два ряда жемчугов во рту имел я,
Зубов двойной оградой владел я.

Но выпали они, о властелин,
Как кирпичи заброшенных руин.

И я с тоской на молодость взираю,
И жизнь утраченную вспоминаю.

Я драгоценные утратил дни,
Осталось мало, минут и они!»

Когда слова, как перлы, нанизал он,
Когда царю всю правду рассказал он,

Шах посмотрел на мощь своих столпов,
Подумав: «Что есть выше этих слов?

Кто мыслит так, как друг мой, благородно,
Пусть смотрит на запретное свободою.

Хвала благоразумью и уму,
Что я обиды не нанес ему.

Кто меч хватает в гневном ослепленье —
Потом кусает руки в сожаленье.

Вниманье оклеветанным являй,
Клеветников же низких покарай!»

И друга честью он возвысил новой,
Клеветника же наказал сурово.

И так как мудр, разумен был вазир,
Не позабыл того султана мир.

Пока был жив, он был хвалим живыми,
И доброе, уйдя, оставил имя.

РАССКАЗ

Слышал я — некий повелитель был,
Из грубой бязи платье он носил.

Ему сказали: «О султан счастливый,
Китайские б шелка носить могли вы!»

«Зачем? Я добрым платьем облачен!
Шелк — это роскошь». — Так ответил он.

«Хорадж я собираю для того ли,
Чтоб наряжаться, в неге жить и в холе.

Когда, как женщина, украсюсь я,
Угаснет доблесть ратная моя.

Когда бы суета владела мною,
Что стало б с государственной казною?

Не для пиров и роскоши казна —
Она для мощи воинской нужна.

Султаном обездоленная рать
Не станет государство охранять.

Коль враг овец крестьянских угоняет,
За что султан с крестьян хорадж взимает?

И будет ли народ царя любить,
Коль царь страну не может защитить?

Когда народ, как яблоня, ухожен,
Тогда лишь и расцвет его возможен.

Ты свой народ под корень не руби
И, как глупец, себя не погуби.

Тот подл, кто меч над подданным подымет,
Кто зернышко у муравья отнимет.

А царь, не угнетающий людей,
Награду примет от судьбы своей.

Ты пуще стрел остерегись рыданий
Людей под гнетом непосильной дани!

* * *

Коль можешь миром покорить страну,
Не затевай напрасную войну.

О смерти помни, мощь и славу множа,
Ведь капля крови царств земных дороже.

Джамшид великий как-то, я слышал,
У родника на камне начертал:

«Здесь сотни сотен жажду утоляли
И, не успев моргнуть, как сон, пропали.

Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли!»

* * *

Когда враги в полон к тебе попали,
Ты не терзай их, хватит с них печали.

Кто покорился, с миром пусть живет.
Кровь пролитая небу вопиет.

РАССКАЗ

Дара однажды — воин знаменитый,
Хотясь меж холмов, отстал от свиты.

И увидел он, оглядываясь кругом,
Что муж-пастух бежит к нему бегом.
Подумал тут Дара багрянородный:
«Не зло ли умышляет сей негодный.
Сейчас его стрелой я поражу,
Предел его стремленью положу...»
«О властелин Ирана и Турана! —
Пастух воскликнул, страхом обуянный. —
Всю жизнь я службу царскую несу,
Твоих коней отборных я пасу!»
Дара, слугу увидев, рассмеялся:
«О дурачок, добро, что ты назвался.
Видать, Суруш судьбу твою хранил,
Ведь я тебя едва не подстрелил!»
С улыбкою сказал пастух смиренно:
«Советом не побрезгуй, царь вселенной!
Тот царь не будет в мире знаменит,
Что друга от врага не отличит.
Знать должен слуг своих ты, царь великий,
И в этом суть могущества владыки.
Ты часто звал к себе меня, о шах,
Расспрашивал меня о табунах.
Навстречу я бежал к тебе любовно,
А ты — за лук, как будто враг я кровный!
Из тысячного табуна — любой
Скаун на свист предстанет предо мной.
Чтоб помнить всех, в делах мирских участвуй.
Хоть раз в году, мой царь, общайся с пастью.
И помни: участь подданных плоха
В краю, где царь глупее пастуха!»

И вот его дыханье чистым стало,
Нет, больше — розой заблагоухало.

И сделал эту пери царь царей
Ближайшею подругою своей.

Ведь молвил мудрый, разумом высокий:
«Тот друг, кто мне открыл мои пороки!»

Благожелатель, искренне любя,
Не скроет горькой правды от тебя.

«Идете правильно!» — тем, кто блуждает,
Сказавший грех великий совершает.

Когда порок твой скроют лесть и ложь,
Ты сам порок свой доблестью сочтешь.

«Мне нужен мед!» — не говори упрямо,
Нет! Горечь — свойство чистого бальзама!

Присловье вспомни мудрых лекарей:
«Ты исцелиться хочешь? Горечь пей!»

О друг, чтобы избегнуть заблуждений,
Пей в этих бейтах горечь наставлений.

Сквозь сито притчей процедил я их
И сдобрил медом шуток золотых.

Из второй главы

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Суть обрети в сей жизни быстротечной:
Покров истлеет, суть пребудет вечно.

Кто высшим знанием не овладел,
Тот в оболочке сути не имел.

Когда добро и мир несем мы людям,
То и в земле спокойно спать мы будем.

Ты здесь о жизни будущей своей
Заботься, не надейся на друзей;

Дабы не испытать страданий многих,
Не забывай о страждущих, убогих.

Сокровища сегодня раздавай,
Назавтра все смотри не потеряй!..

Возьми в далекий путь запас дорожный,
Знай — состраданье близких ненадежно.

Кто долю здесь для будущего взял,
Тот счастья мяч перед собой погнал.

Ничья молитва душу не утешит,
И всяк своей рукою спину чешет.

Все, что имеешь, — миру открывай
И в землю, словно клад, не зарывай.

Блажен, кто в стужу бедняка укроет,
Грехи того творца рука прикроет.

От двери прочь скитальца не гони,
Чтоб не скитаться в будущие дни.

Мудрец, благодеяний грех чуждаться!
Твори добро, чтоб после не нуждаться.

Иди давай бальзам больным сердцам,
Кто знает — вдруг больным ты будешь сам.

Иди врачуй горенье ран душевных,
Не забывай о днях своих плачевных.

Давай просящим у твоих дверей,
Ведь ты не нищий у чужих дверей.

* * *

Ты сироту ребенка приюти,
Как сына, щедрой тенью защити,
Занозу вынь ему, омой от пыли,
Росток погибнет, что корней лишили.

Коль сироту увидишь пред собой
С опущенною низко головой,

Ты не ласкай пред ним своих детей,
Кто сироту утешит средь людей?

Он плачет? Кто ему осушит слезы!
Он зол? Кто стерпит сироты угрозы!

Страшись! Когда рыдает сирота,
Колеблется над миром высота.

Склонись к нему, о мудрый, милосердный,
Утешь его, ходи за ним усердно.

Он сень утратил — отчую семью;
Взлелей его, прими под сень свою.

Я был превыше венценосцев мира,
В объятнях отца, на лоне мира.

Не смела муха моего лица
Коснуться перед взорами отца.

Теперь один я. Если враг нагрянет,
Моим уделом плен и рабство станет.

Утратив сень родную с детских лет,
Изведал долю я сиротских бед.

* * *

В пути у плачущего сироты
Колючку странник вынул из пяты,
В Ходжете пиру вещей сон приснился,
Что рай за это страннику открылся.

* * *

Кто милосердия путем идет,
Тот вечных удостоится щедрот.

Не сделав дела доброго — не чванься:
Я первый, мол, а ты за мной останься!

Когда судьба стрелой своей разит,
Она — как знать — и меч свой обнажит.

Ты — царь, ты видишь тысяч поклоненье,
Так возноси творцу благодаренье,

Что, одаряя тысячи людей,
Ты сам не ищешь помощи ничьей.

А щедрость — шахское, по слухам, свойство;
Нет! Лгу я, — то высоких духом свойство!

РАССКАЗ

В пустыне странник увидел усталый
Собаку, что от жажды издыхала.

Он в колпаке своем воды принес,
Но даже встать не мог несчастный пес.

И он простер собаке длань служенья,
Приподнял, напоил, принес спасенье.

Избранник видел все, что делал он,
И был тот муж во всех грехах прощен.

Ты, злой тиран, возмездья опасайся!
Стань щедрым, искупить свой грех

старайся!

Собаку спасший был прощен. Итак,
Благотвори! Ведь выше пса — бедняк.

Будь щедрым, милосердным, сколько можешь,
Тем выше ты, чем больше щедрость

множишь.

Пусть богачи кинтарами дарят,
Ты беден, но дороже твой кират.

Судья предвечный лишнего не спросит,
Пусть каждый в меру сил своих приносит.

Слона степной кузнечик тяжелей,
Коль им придавлен жалкий муравей.

* * *

Будь к людям мягок, мудрый муж, всегда,
Дабы найти защиту в день суда.

Тот, кто от века стал щитом несчастных,
Тебя не бросит на путях опасных.

Не обижай и жалкого раба,
Вдруг сделает царем его судьба.

Униженных и слабых не гони ты,
Поддай им помощь, не лишай защиты.

Круговращения лет изменчив круг,
Не ждешь — и ферзем пешка станет вдруг.
И тот, кто судьбы взглядом прозирает,
В сердца посева злобы не бросает.
Чтоб сохранить свой щедрый урожай,
Идущих вслед жнецам не обижай.
Не бойся к бедным щедрым быть, как море,
Чтоб самого себя не ввергнуть в горе, —
Смотри, вчерашний царь в беде, а там —
Владыкою вчерашний стал гулам.
Не причиняй обид сердцам подвластным,
Страшись, чтобы не стал ты сам подвластным.

РАССКАЗ

Коль благороден ты в душе своей,
Внимай о жизни доблестных людей.
Да будет награжден твой подвиг каждый!
Шибли мешок зерна купил однажды;
Раскрыл мешок он в хижине своей,
Увидел: в груди зерен — муравей,
Растерянно метался, изнемог он...
Жалея муравья, заснуть не мог он.
Встал утром, муравья того он взял,
Отнес его обратно и сказал:
«Лишиться мест родных для нас ужасно,
Пусть дома будет муравей несчастный!»
И ты смятенных души успокой,
И сам утешен будешь ты судьбой.

Как Фирдоуси промолвил несравненный,
Мудрец великий, муж благословенный:

«Ты муравья, влачащего зерно,
Не тронь! Ему дыхание дано!»

Жесток и милосердия не знает
Тот, чьей виною муравей страдает.

Могучей дланью слабого не бей,
Вдруг станешь сам пред ним, как муравей.

Утешь смятенных, в бедствии живущих,
Несчастий утрашишь своих грядущих.

Не сжалилась над мотыльком свеча,
Сама сгорела вся потом свеча.

Ты думаешь, что все тебя слабее?
Но некто есть, и он тебя сильнее!

Будь щедр, будь милосерден без конца,
Добром лишь можно уловить сердца.

Как знать: губя врага — себя ты сгубишь,
Аркан же ласки сталью не разрубишь.

Прощай, великодушие являй!
Напрасно кровью рук не обагряй!

Не жди добра от семени дурного,
Страшись, не совершай деянья злого.

Исполненный гордынею своей,
Ты лучших можешь потерять друзей.

Коль доброта твоя сердца притянет,
И прежний враг твой даже другом станет.

РАССКАЗ

Юнца я в поле встретил одного,
Бежал козленок по следу его.

Сказал я: «Друг, не упусти козленка!
Сорвется он с твоей веревки тонкой!»

Веревку юноша с козленка снял,
Сам резво, как козленок, побежал.

Козленок — вскачь — за ним. Не отставал он.
Из рук юнца пучки травы хватал он.

И, сделав круг с козленком, прибежал
Тот юноша ко мне и так сказал:

«Ты видишь? Ласка лучше, чем веревка!
Его кормлю я. В этом — вся уловка».

Вот так погонщика не топчет слон, —
Ведь со слоном свирепым ласков он.

О мудрый! Будь ты добрым и со злыми!
Ведь ласков с псами злыми ты своими.

И пардус на тебя не нападет,
Коль ел он пять — семь дней твой сыр и мед.

РАССКАЗ

Дервиш, однажды проходя в лесу,
Без лап увидел жалкую лису.

Сказал: «О боже! Кто ж ей помогает?
Как зверь безногий пищу добывает?»

И вдруг раздался треск и шум в кустах,
Явился лев с добычею в зубах.

Сожрал добычу лев, и напоследки
Уснул. Лиса же съела все объедки.

Дервиш, придя назавтра, увидал,
Что снова лев лисицу напирал.

Была в том мудрость промысла живая.
Дервиш сказал, на бога уповая:

«Забьюсь, как муравей, я в тишину!
Не взять ведь силой пищу и слону...»

И, от мирских себя отторгнув дел, он
Забился в щель горы. И там сидел он.

Он верил — пищу бог ему пошлет...
Но ждет-пождет — никто к нему нейдет.

Вот отощал и страшно исхудал он,
От голода рассудок потерял он.

И голос тайный вдруг раздался в нем:
«Вставай, о лицемер! Стань хищным львом!

Ты здесь лисой безногой не валяйся,
Сам ешь и пищу дать другим старайся!

Кто падает, как жалкая лиса,
Хоть он могуч, как лев, — презренной пса.

Лови добычу, ешь, делись с другими!
Пренебрегай обедами чужими!

Ты рук своих трудом себя питай.
Трудись, как муж, и ближних утешай.

Лишь мужеложец гнусный, как блудница
Чужим трудом питаюсь, не стыдится.

В беде увидев старца — встань, бега,
Упавшему подняться помоги!

Господь того лишь счастьем одаряет,
Кто мужествен, кто гибнущих спасает.

Великодушный счастьем озарен,
Злодей бездушный радости лишен.

Добро созданьям божим творящий
Счастлив и в жизни сей и в предстоящей.

РАССКАЗ

Дервиш, придя в суфийскую обитель,
Поведал: «Жил в Йемене повелитель.

Он счастья мяч перед собою гнал,
Он равных в щедрости себе не знал.

Весенней тучей над землей вставал он,
На бедных дождь дирхемов изливал он.

Но он к Хатаму неприязнен был,
С насмешкой о Хатаме говорил:

«Кто он такой? Мне он докучней тени!..
Нет у него ни царства, ни владений!»

Вот царь Йемена небывалый пир, —
Как говорят, — на весь устроил мир.

Вдруг раздалось Хатаму славословье,
Все гости стали пить его здоровье.

И зависть омрачила дух царя,
Раба он кликнул, злобою горя:

«Иди найди и обезглавь Хатама!
Со мною в славе спорит он упрямо».

В степь, где Хатам в ту пору кочевал,
Подосланный убийца поскакал.

И некий муж, как бы посланец бога,
Раба-посланца повстречал дорогой.

Сладкоречив тот муж, приветлив был,
Гонца к себе в шатер он пригласил.

Его в степи безлюдной обласкал он,
Вниманием его очаровал он.

А утром молвил: «Добрый гость, прости,
Но все ж у нас останься, погости!»

А тот в ответ: «Промедлить ни мгновенья
Нельзя!.. Дано мне шахом порученье!»

Сказал хозяин: «Тайну мне открой,
Я помогу тебе, пойду с тобой!»

«О благородный муж! — гонец ответил. —
Ты доблестен, и тверд, и духом светел,
Ты тайну нашу сохранишь. Так знай,
Хатама я ищу в становье Тай.

Хоть муж Хатам прославлен во вселенной,
Убить его велел мне шах Йемена.

О добрый друг! Мне милость окажи,
Дорогу мне к Хатаму укажи!»

Хозяин рассмеялся: «Меч свой смело
Бери, руби мне голову от тела.

Ведь я — Хатам. Пусть я хозяин твой,
Я поступлюсь для гостя головой!»

Когда Хатам склонился добровольно
Под меч, посланец издал крик невольню.

Не в силах от стыда поднять зениц,
Перед Хатамом он простерся ниц.

И, руки на груди сложив покорно,
Сказал: «Когда бы умысел позорный

Исполнил я и вред тебе нанес,
Не человек я был бы, гнусный пес!»

И встал он и, поцеловав Хатама,
Через пески в Йемен пустился прямо.

Султан Йемена меж бровей его
Прочел, что тот не сделал ничего.

«Где голова? — спросил. — Какие вести
Ты мне привез? Скажи во имя чести!

Быть может, в поединок ты вступил
И у тебя в бою не стало сил?»

Посланец пал на землю пред владыкой
И так ответил: «О султан великий!

Хатама видел я. Среди людей
Он всех великодушней и мудрей.

В нем доблесть, мужество и благородство.
Ему дано над всеми превосходство.

Груз милостей его меня сломил.
Великодушьем он меня сразил!»

Все рассказал гонец. Ему внимая,
Йеменский царь восславил племя Тая.

И щедро наградил султан посла...
Хатаму щедрость свойственна была,
Как солнцу — свет, цветам — благоуханье.
Хатаму славу принесли деянья.

* * *

Здесь речи о благих делах вели мы,
Но не ко всем те речи применимы.

Ты добр, но щит тирана сокруши!
Ты крыльев птицу хищную лиши!

Изменник лишь стрелу и лук вручает
Тому, кто на святыню посягает.

В саду колючки с корнем вырывай,
Дерев плодовых корни поливай.

Возвись того, кто правды не нарушит,
Кто бедный люд не топчет и не душит.

Кто на престол тирана возведет,
Тот сам над миром утверждает гнет.

Туши свечу, что миру угрожает,
Покамест все огнем не запылает.

Кто милостив к разбойнику, тот сам
Разбойникам подобен и ворам.

Мечом главу тирана отсекай!
Насилие насильникам являй!

РАССКАЗ

На потолке хозяин разглядел
Осиное гнездо и снять хотел.

«Не тронь их, муж! — жена сказала слово —
Не оставляй их, бедненьких, без крова».

Муж неразумный глупой речи внял.
Но как-то вдруг осинный рой напал

На женщину. Она металась, выла,
А муж ей: «Прежде нужно думать было!

Жена! Не стыдно ль выть и голосить?
Ты их сама просила пощадить!»

Тот, кто злодеям низким помогает,
Тот сам их злодеянья умножает.

Злодей — виновник бедствий и обид,
Как хищник, истребленье подлежит.

Ведь скатерть для собак не расстилают —
Обглоданные кости им бросают.

Лягающихся мулов не жалей
Навьючивать в дорогу тяжелей.

Коль дремлет ночью сторож недостойный,
Едва ль хозяин будет спать спокойно.

Не всем твоим рабам одна цена:
Одним — награда, плеть — другим нужна.

Кто выкормил лисенка, пусть он знает,
Что голубей лиса перетаскает.

Не возводи на зыбкой почве дом,
А коль возвел — не поселяйся в нем.

* * *

Конем однажды сброшен норовистым,
Сказал Бахрам-охотник в поле чистом:

«Другого должен выбрать я коня,
Такого, чтобы слушался меня!»

Плотину ставь, чтоб не был труд бесплоден,
Покамест Тигр могучий мелководен.

Бей насмерть волка, что в капкан попал,
Чтоб он опять овец твоих не рвал.

Как от иблиса богопочитанья,
От злых людей не жди благоденья,

Лишай злодеев сил, пока ты жив:
Пусть будет враг в тюрьме, в бутылки — див,

Увидевши змею — бежать не время
За палкой. Камнем размозжи ей темя.

Коль вор и лихоимец — твой писец,
Мечом хищенью положи конец.

Советник твой, простых людей гнетущий,
Не друг, а демон, в ад тебя ведущий.

Не говори, что мудр его совет.
Когда виновник он народных бед!

Кто поученьям Саади внимает,
Тот зданье царства мудро создает.

Из третьей главы

**О ЛЮБВИ, ЛЮБОВНОМ ОПЬЯНЕНИИ
И БЕЗУМСТВЕ**

Прекрасны дни влюбленных, их стремленья
К возлюбленной, блаженны их мученья.

Прекрасно все в любви — несет ли нам
Страдания она или бальзам.

Влюбленный власть и царство ненавидит,
Он в бедности свою опору видит.

Он пьет страданий чистое вино;
Молчит, хоть горьким кажется оно.

Его дарят похмельем сладким слезы.
Шипы — не стражи ли царицы Розы?

Страданья ради истинной любви
Блаженством, о влюбленный, назови!

Вьюк легок опьяненному верблюду,
Стремись, иди к единственному чуду!

Не сбросит раб с себя любви аркан,
Когда огнем любви он обуян.

Живут в тиши печального забвенья
Влюбленные — цари уединенья.

Они одни сумеют повести
Блуждающих по верному пути.

Проходят люди, их не узнавая,
Они, как в мире тьмы — вода живая.
Они подобны рухнувшим стенам
Снаружи. А внутри — прекрасный храм.
Они, как мотыльки, сжигают крылья,
И шелкопряда чужды им усилья.
У них всегда в объятьях красота,
Но высохли от жажды их уста.
Не говорю: источник вод закрыт им,
Но жажду даже Нил не утолит им.

* * *

Да, ты своим кумиром увлечен, —
Но он, как ты, из глины сотворен.
Ты свой покой утратил и терпенье,
Ты от ланит и родинки в смятенье.
Прекрасный облик, что тебя сразил,
Весь этот мир от глаз твоих закрыл.
Когда кумир твой злато презирает —
И для тебя оно свой смысл теряет.
Весь мир готов ты для любви забыть, —
Одну ее ничем не заменить.
Любовь твоя всегда перед тобою,
Она владеет всей твоей душою.
Готов презреть достоинство свое,
Ты часа жить не можешь без нее.
Ты душу ей отдашь. Ты без боязни
Из-за нее себя подвергнешь казни.
Но коль такую здесь имеет власть
Любовь, которой суть — дыханье, страсть,

Не удивляйся истинным влюбленным,
В пучину вечной страсти погруженным!

Они любви к Извечному полны,
От суеты мирской отрешены.

Устремлены лишь к истине единой —
Пьют, на пиру расплескивая вина...

Не исцелит их никакой бальзам,
Неведом их недуг земным врачам.

РАССКАЗ

Однажды на пиру, гостей пленяя,
Кружилась в пляске пери молодая.

Не помню: жар сердец иль огонек
Светильни полу платья ей поджег.

Она, увидев это, рассердилась.
«Не гневайся! — сказал я. — Сделай

милость!

Ведь у тебя сгорела лишь пола,
А весь мой урожай сгорел дотла».

Влюбленные друг в друга — дух единый.
Коль суть цела — не жаль мне половины.

РАССКАЗ

Жил в Самарканде юноша. Был он
Индийскою красавицей пленен.

Она, как солнце, чары расточала,
Твердыню благочестья разрушала.

Казалось, красоту, какую мог,
В ней воплотил миров зиждитель — бог.

За нею вслед все взгляды обращались.
Ее встречавшие ума лишались.

Влюбленный наш тайком ходил за ней.
И раз она сказала гневю: «Эй!

Глупец, не смей, как тень, за мной влачиться,
Не для твоих тенет такая птица.

Не смей за мною по пятам ходить.
Не то рабам велю тебя убить!»

И тут влюбленному промолвил кто-то:
«О друг, займи себя другой заботой.

Боюсь, ты не достигнешь цели здесь,
А потеряешь даром жизнь и честь!»

Упреком этим горьким уязвленный,
Вздохиув, ответил юноша влюбленный:

«Пусть под мечом я голову мою
В прах уроню и кровь мою пролью.

Но скажут люди: «Вот удел завидный!
Пасть от меча любимой — не обидно».

Меня позорить можешь ты, бранить, —
Я не уйду. Мне без тебя не жить.

Что мне советуешь ты, ослепленный
Тщетою мира, лишь в себя влюбленный?

Она добра и благости полна,
Пусть хоть на казнь пошлет меня она!

Мечта о ней меня в ночи сжигает,
А утром снова к жизни возрождает.

Пусть у ее порога я умру,
Но жив, как прежде, встану поутру!»

Будь стоек всей душою, всею кровью.
Жив Саади, хоть и сражен любовью.

* * *

Сказал от жажды гибнущий в пустыне:
«Счастлив, кто гибнет в водяной пучине!»

Ему ответил спутник: «О глупец,
В воде иль без воды — один конец».

«Нет! — тот воскликнул. — Не к воде
стремлюсь я,
Пусть в океане Духа растворюсь я!»

Кто жаждет истины, я знаю, тот
Без страха бросится в водоворот.

Не дрогнет в жажде знания, не остынет,
Хоть знает он, что в тех волнах погибнет.

Любовь, влюбленный, за полу хватай.
«Дай душу!» — скажет он. — Душу ей отдай.

Ты увидешь в рай блаженства и забвенья,
Пройдя геенну самоотреченья.

Труд пахаря в пору страды суров,
Но пахарь сладко спит после трудов.

На сем пиру блаженства достигает
Тот, кто последним чашу получает.

РАССКАЗ

Спросили раз Меджнуна: «Что с тобой?
Что ты семьи чуждаешься людской?»

И что с Лейли, с твоей любовью случилось?
Ужель в тебе и чувства не осталось?»

Меджнун ответил, слез поток лия:
«Молю, отстаньте от меня, друзья,

Моя душа изнемогла от боли,
Не сыпьте же хоть вы на рану соли.
Да, друг от друга мы удалены,
Необходимости подчинены».

А те: «О светоч верности и чести,
Вели — Лейли передадим мы вести!»

А он им: «Обо мне — ни слова ей,
Чтобы не стало ей еще больней».

* * *

Вы светлячка видали на полях,
Что, словно свечка, теплится в ночах?

Его спросили: «Вот ты ночью светишь,
А что же днем нигде тебя не встретишь?»

И в темноте сияющий светляк,
По мудрости своей, ответил так:

«Я здесь и днем! Мне ваш вопрос обиден.
Я только из-за солнца днем не виден».

* * *

О муж любви, иди своей тропой,
Чуждайся блеска роскоши людской!

Иди путем любви! Душой беспечен,
Пусть ты погибнешь — дух твой будет вечен.

Ведь из зерна и злак не прорастет,
Когда само зерно не пропадет.

Тогда лишь сможешь истины добиться,
Коль от себя сумеешь отрешиться.

И знай — ты истины не обретешь,
Пока в самозабвенье не впадешь.

Как музыка, поют шаги верблюда,
Когда тебе любви открыто чудо.

И тайну в крыльях мухи ты узришь,
Когда ты страстью чистою горишь.

И, изумленный, в просветленье духа
За голову ты схватишься, как муха.

Влюбленный плачет, слыша пенье птиц,
И небо пасть пред ним готово ниц.

Да — истинный певец не умолкает,
Но не всегда, не всяк ему внимает.

Пусть к нам на пир влюбленные придут
И упоенью души предадут!

Пусть кружатся, как чаша круговая,
Главу у врат смиренья опуская!

Когда дервиш в самозабвенье впал,
Не смейся, пусть он ворот разодрал

И машет, словно крыльями, руками...
Он — в море, он объят любви волнами!

Где бубны, флейты ваши? — спросишь ты. —
Откуда песня льется с высоты?

Не знаю я. Хоть песня мир объемлет,
Но ей лишь сердце избранного внимлет.

Коль птица с башни разума взлетит,
То ангелов небесных восхитит.

А низкий, в ком пристрастье к миру живо,
Готовят в сердце логово для дива.

Она, блистая в обществе таком,
Прельстится ли ничтожным мотыльком?

Твоя любимая вельможам светит:
А ты сгоришь — она и не заметит!»

И мотылек ответил: «О глупец,
Пусть я сгорю, не страшен мне конец.

Влюблен я, сердце у меня пылает,
Свеча меня, как роза, привлекает.

Огонь свечи в груди моей живет,
Не я лечу, а страсть меня влечет.

Аркан захлестнут у меня на шее.
И мне не страшно, рад сгореть в огне я.

Сгорел я раньше, а не здесь — в огне,
Который обжигает крылья мне.

Она в такой красе, в таком сиянье,
Что глупо говорить о воздержанье.

Пусть я на миг в огонь ее влечу
И смертью за блаженство заплачу!

Я в жажде смерти рвусь к живому чуду.
Она горит! И пусть я мертвым буду!..

А ты мне говоришь: «Во тьме кружи.
Ищи достойную и с ней дружи!»

Скажи ужаленному скорпионом:
«Не плачь!» — не станет вмиг он исцеленным.

Советы бесполезно расточать
Пред тем, кто не желает им внимать.

Не говорят: «Полегче, сделай милость!» —
Возничему, чья четверня взбесилась.

В «Синдбаде» также сказано о том:
«Сравни советы с ветром, страсть — с огнем».

Костер под ветром ярче пламенеет,
Тигр, если ранен, пуще свирепеет.

Я прежде думал: ты мне добрый друг,
Не ждал я от тебя дурных услуг.

Советуешь мне: «Ровню, мол, ищи ты,
Пусть будут сердце и душа убиты!..»

Не дорожишь душой, так не взыщи,
Ты сам иди и ровню поищи.

К себе подобным лишь самовлюбленный
Идет, как пьяный, в мрак неозаренный.

Я сам решил — во тьме ль погибнуть мне,
Или сгореть в ее живом огне!

Тот, кто влюблен, тот смело в пламя мчится.
Трус, что влюблен в себя, всего боится.

От смерти кто себя убережет?
Пусть жар возлюбленной меня сожжет!

И если смерть для нас неотвратима,
Не лучше ли сгореть в огне любимой,

Вкусить блаженство, пасть у милых ног,
Как я — в свечу влюбленный мотылек!

РАССКАЗ

Однажды темной ночью я не спал
И слышал — мотылек свече шептал:

«Пусть я сгорю! Ведь я люблю... Ты знаешь...
А ты что плачешь и о чем рыдаешь?»

Свеча ему: «О бедный мотылек!
Воск тает мой, уходит, как поток.

А помнишь, как ушла Ширин-улада,
Огонь ударил в голову Фархада.»

И воск, подобный пламенным слезам,
Свеча струила по своим щекам.

«Любви искатель! Вспыхнув на мгновенье,
Сгорел ты! Где же стойкость? Где терпенье?

В единый миг ты здесь спалил крыла,
А я стою, пока сгорю дотла.

Ты лишь обжегся. Но, огнем пылая,
Вся — с головы до ног — сгореть должна я!»

Так, плача, говорила с мотыльком
Свеча, светя нам на пиру ночном.

Но стал чадить фитиль свечи. И пламя
Погасло вдруг под чьими-то перстами.

И в дыме вздох свечи услышал я:
«Вот видишь, друг, и смерть пришла моя!»

Ты, чтоб в любви достигнуть совершенства,
Учись в мученьях обретать блаженство.

Не плачь над обгоревшим мотыльком —
С любимой он слился, с ее огнем.

Под ливнем стрел, хоть смерть неотвратима,
Не выпускай из рук полу любимой.

Не рвись в моря — к безвестным берегам,
А раз поплыл, то жизнь вручи волнам!

Из четвертой главы

О СКРОМНОСТИ

Упала дождевая капля вниз —
Пред ней просторы моря разлились.
«Где море есть, — промолвила стыдливо, —
Там я ничто, и это справедливо».

Но за свое смирение она
Была ракушкой в лоне возвращена.

И рок, к смиренной капле благосклонный.
Из капли создал жемчуг для короны.

Унизившись, достигла высоты,
Богатой стала в жажде нищеты.

Смирения мудрец у бога просит,
Клонится ветка вниз, коль плодоносит.

* * *

Великий духом помнит ли себя?
Забудешь бога, лишь себя любя.

Не в почестях и не в речах величье,
Не в притязаньях, не в мечтах отличие.

Величье только к скромному придет,
И в прах гордец спесивый упадет.

Кто подлинно великим быть захочет,
Тот о величье не хлопочет.

Утратишь веру, суету любя.
Не любит бога любящий себя.

Мы гордых звать великими не будем,
Презренным свойственно презренье к людям.

Всегда спесивец с мудростью в борьбе,
Спесь не прибавит знатности тебе.

В какой еще нуждаешься ты славе,
Чем слава о смиренном добром нраве?

Коль равного надменным ты найдешь,
Ужели мудрым ты его сочтешь?

Но если с равным сам надменным будешь —
Ты также средь людей презренным будешь.

Коль к высоте привел тебя твой путь,
Не смейся над лежащим, мудрым будь.

Не раз высоким падать приходилось,
А павших ожидала рока милость.

Пускай ты от пороков чист, так что ж
Порочному проходу не даешь?

У одного в руке кольцо Каабы,
А этот опьянен, свалился, слабый...

Но кто творцу посмеет помешать
Прогнать святого, пьяного принять?

Вдруг не зачтутся чистому деянья,
Дурному дверь откроет покаенье?

РАССКАЗ

Придя к кази, бедняк, факих достойный,
Среди людей почтенных сел спокойно.

Кази вскипел, свой гнев не обуздав,
Взял муарриф беднягу за рукав:
«Ужель достоин ты высокой чести?
Прочь уходи иль сядь на дальнем месте.
Не всякому почет высокий дан,
По власти щедрость и по мощи сан.
Сюда не смей садиться не по праву,
Иль встретишь ты жестокую расправу.
Советую: понижь, брат, садись,
Чтобы с позором не скатиться вниз.
Ты места славных даром не добудешь,
Коль нет когтей — могучим львом
не будешь!»

Мудрец-факих противиться не мог —
Так обижал его жестокий рок.

Он, как огонь, окутан дымом черным,
Понижь пересел с лицом покорным.

Уже законоведы спор ведут:
«Неправда!», «Нет!» — услышишь там и
тут,

Открыли двери смуты грамотей,
А «Да!» и «Нет!» повытянули шею.
Как петухи рванулись в буйный спор,
Бьют клювом и вонзают копыя шпор.
Несутся крики злобы справа, слева,
Бьют кулаками по земле от гнева...

Вот спорщики устали бой вести,
А не нашли к решению пути.
Бедняк, понаблюдав за этой бучей,
Воспрянул вдруг, как будто лев могучий.

Он молвил: «О, хранящие завет,
Законы, откровенья давних лет!

Тут доказательства нужны сильнее,
Чем вздутые от спора жилы шен!

А я владею клюшкой и мячом!»
«Коль знаешь, объясни нам, дело в чем?»

Он, наделенный слова благодатью,
Вдавил в сердца их истину печатью.

Проник, забыв прикрасы речи, в суть,
Сумел каламом споры зачеркнуть.

И те, что презрели его вначале,
«Ты молодец», — теперь ему кричали.

Конь слов дошел до цели в должный час,
Кази в трясине, как осел, увяз.

И, с места встав, кази окончил пренья,
Послал чалму факиху в знак почтенья!

«Прости, не встал почтить я твой приход,
Тебе по сану следует почет!

Как жаль, что, несмотря на дарованье,
Ты тяжкое влачишь существованье».

Тут муарриф приблизился к нему,
Воздать чалмою должное уму.

Но тот сказал: «Тревожиться не надо!
Душа оковам суеты не рада!

Согнусь я средь оборванных людей
Под эту чалмою в пять локтей.

Коль будет мне оказано почтенье —
Я всех сочту достойными презренья:

Златой кувшин иль глиняный сосуд
Водам эдемским свойств их не дают.

Лишь разум голову украсить может,
А пышная чалма нам не поможет.

Пусть ты в парчу и золото одет!
Хоть тыква велика — в ней мозга нет.

Ты бородою горд, чалмой богатой?
Но борода — трава, чалма — лишь вата.

В ком человеческий лишь только вид,
Как идол каменный пускай молчит.

Высь в доблести великой, не в уборе;
Зухал высок, но предвещает горе.

Стремится ввысь цинопочный тростник,
Но сахарный не большего ль достиг?

Хоть сто гуламов у тебя, калека,
Ты званья недостойн человека.

Невежда, в соре бисер отыскав,
Услышал: «Эй, умерь свой алчный нрав!

Меня не кутай в шелк, он не обманет!
И покупать меня никто не станет!»

Слизняк умом не будет наделен,
Пускай в глубь черепа забрался он.

Иль лучше всех богач с мощной набитой?
Осел — осел, хоть и парчой покрытый!»

Так этот муж, к врагам своим суров,
Обиду с сердца смыл водою слов.

В словах обиженных немало яда:
Коль враг упал, то мешкать тут не надо!

Пусть длань твоя сильнее его разит —
Победа сразу смоем пыль обид.

Кази был местию сокрушен жестокой
И громко плакался на злобу рока.

Кусал он руки, люто разъярясь,
От злобы искры сыпались из глаз.

А доблестный оттуда удалился,
Никто и не видал, куда он скрылся.

И подняли вельможи громкий крик:
«Откуда этот дерзкий еретик?»

Его накиб разыскивал повсюду:
«Где есть такой? Не скажете — быть худу!»

И некто молвил: «Саади один
У нас и слов и мыслей властелин!

Он смело говорит, умно и кратко,
И горькие слова он скажет сладко!»

РАССКАЗ

Сахароустый вел торговлю медом,
Он был любим за красоту народом.

Он строен был и сладок, как тростник,
Мух — мед собирал, людей — призывный
крик.

И если б людям продавал он яды —
Все пили бы, как мед, и были б рады.

Урод угрюмый на него глядел,
Завидуя преуспеянью дел,

И с медом побежал по стогнам града,
Но уксус был в речах, а не услада.

Кричал он громко, бегал взад-вперед, —
И мухи на его не лъстились мед.

С пустым карманом, мрачный, полон думой,
Он в угол сел, нахмуренный, угрюмый.

Как грешник пред судом, понур он был,
Как узник в день байрама, хмур он был.

Жена ему заметила шутливо:
«Мед кислолицых хуже, чем крапива!»

В ад заведет тебя злонравье, знай.
Ведь нравы добрые рождают рай.

Воды арыка теплой выпей жадно, —
У хмурых не бери шербет прохладный.

Хлеб — яд, когда хозяин смотрит зло,
Когда, как скатерть, хмурит он чело.

Лицо свое напрасно хмурить будешь —
Тем состраданья рока не пробудишь.

Нет злата? Что же! Носишь ты в груди
Дар сладкоречья, как и Саади.

РАССКАЗ

Отшельника схватил за ногу пес,
И не сдержал несчастный старец слез.

Он ночь не спал — так боль его томила,
И не дал спать своей он дочке милой.

Наслушался он ночью горьких слов.
«Иль у тебя, — спросила, — нет зубов?»

Отшельник выслушал ее, рыдая,
Потом сказал с улыбкой: «Дочь родная!

Я был сильнее, чем пес проклятый тот,
Но не хотел я осквернить свой рот.

Пускай мечом меня ударят в драке,
И все же я не укушу собаки».

Конечно, злым мы можем злом воздать,
Но люди псами все ж не могут стать!

РАССКАЗ

Был некто, в звездах сведущий случайно,
Но гордый и спесивый чрезвычайно.

К Хушьяру издалека прибыл он,
Решимостью и спесью напоен.

Мудрец не поднял благостные вежды,
И светоч знаний скрыл он от невежды.

Домой ни с чем уехал наш гордец,
И славный наставлял его мудрец:

«Погибнешь ты, коль спесь не уничтожишь!
Кто полн собой, в него едва ль что вложишь!

Ты полон спеси — едешь пуст домой,
Коль хочешь знаний, приезжай пустой».

От бренности освободись в скитаньях,
Как Саади, — и станешь мудрым в знаньях.

РАССКАЗ

Я слышал, что Лукман лицом был черен
И был тщедушен телом, хоть проворен.

Лукмана кто-то беглым счел рабом.
Схватил, велел работать, строить дом.

Тяжелый гнет сносил он терпеливо,
В год дом воздвиг хозяину красивый.

Но вскоре беглый раб пришел назад,
Хозяин понял, как он виноват.

Он у Лукмана стал просить прощенья,
Тот рассмеялся: «Что мне в извиненье?

Страдало сердце, целый год томясь,
Избавлюсь ли от горечи за час!

Но все же грех твой я тебе прощаю,
Ты выгадал, — и я не проиграю:

Ты за год дом благоустроил свой,
А я зато мудрее стал с тобой.

Я о рабе своем не знал заботы,
Тяжелые давал ему работы.

Теперь суровым с ним не буду я,
Счастливцем, в том заслуга есть твоя!»

Кто от могучих не изведал гнета,
Того о слабых не гнетет забота.

Начальства окрик, друг, тебе не люб? —
Не будь же с подчиненным сам ты груб.

Бахрам вазира наставлял прекрасно:
«Ты с подданным не будь жесток напрасно!»

РАССКАЗ

Я слышал о пречестном старике,
Что в Вахше жил, в далеком уголке.

Он был аскет, не людям лишь в угоду,
И подаянья не просил он сроду.

Открыло счастье перед ним врата,
К нему не проникала суэта.

Один глупец бесчувственный и скверный
Решил святого обругать примерно:

«Он хитростью, коварством вознесен —
Сей див, занявший Сулеймана трон.

Лицо, как кошка, моет то и дело,
И все ж мышей хватает он умело,

Из спеси им обет лишений дан,
Пустой далеко слышен барабан».

Он говорил, а люди развлекались,
Со всех концов они к нему стекались.

И слышал я, что зарыдал мудрец:
«Заставь его покаяться, творец!

Но если прав он, о господь пречистый,
Дай покаянья мне, дай веры истой!

Я своего хулителя люблю,
Он всю порочность показал мою!»

Не гневайся, коль враг бранит правдиво.
Солгал? Скажи: «Уйди, глупец болтливый!».

Глупец вонючим мускус назовет —
Спокоев будь: все знают — глупый врет.

Но если он о луке это скажет,
Он правоту свою легко докажет.

Кто к небесам простер служенья длань,
Легко снесет буянов дерзких брань.

Пускай напустит фокусник туману —
Поддастся ли мудрец его обману?

Тот, чья душа спокойна и чиста,
Легко замкнет хулителя уста!

Будь добр и праведен, чтоб враг жестокий
Не обвинял тебя в дурном пороке.

Но ежели правдив врага упрек —
Искорени указанный порок!

Передо мной поставит счастья вехи
Тот, кто покажет, где мои огрехи.

* * *

Будь скромным, если ты величья хочешь!
Смирением величье ты упрочишь!

Тогда народу станешь дорогим,
Когда склонишься низко перед ним.

Великий, что величие забудет,
Великим в двух мирах взаправду будет.

Тот чист у нас, кто, кротость возлюбя,
Поставил слабых выше, чем себя.

О ты, когда пройдешь над нашим прахом,
Во имя праха славных пред аллахом

Запомни же — пусть Саади стал прах,
При жизни прах он был в своих глазах.

Пусть он летал, как ветер, по вселенной, —
Он тело праху передал смиренно.

Да, скоро телом овладеет прах,
И ветер по миру развеет прах!

Но с дня расцвета гулистана слова
Никто не слышал соловья такого.

Умрет однажды звонкий соловей,
Возникнет роза из его костей.

Из пятой главы
О ДОВОЛЬСТВЕ СВОИМ ЖРЕБИЕМ

Сжигал я ночью масло речи ясной,
Чтоб светоч мысли лил свой свет прекрасный.

Услышав это, человек пустой
Меня почтил своею похвалой.

Но с похвалой смешал он злое слово —
Вот так невольны стоны у больного:

«Ты вдохновлен и мыслями высок, —
Но быть благочестивым дал зарок,

Зато с мечом и булавой не дружен,
А сколько в этой области жемчужин!»

Стихов моих дорога не тесна —
Душа огнем боев не зажжена!

А то б извлек я меч-язык из ножен,
И мой соперник был бы уничтожен.

Ну подходи, померимся с тобой —
Врага швырну о камень головой!

РАССКАЗ

Курд ночь не спал — так разболелся бок,
И врач, больного осмотрев, изрек:

«Съел виноградных листьев слишком много,
И до утра не доживет убогий.

От стрел татарских избежишь вреда,
Но от еды излишней — никогда!

В кишечнике один кусок застрянет,
И что ж! Невезды бедного не станет!»

Но умер врач в ту ночь, как рок велел,
И сорок лет прошло, а курд все цел.

РАССКАЗ

Осел издох. Ослиный череп сразу
Хозяин прикрепил к лозе от сглазу!

И опытный сказал ему старик,
Улыбкой осветив свой кроткий лик:

«Не думай, сын, моей души отрада,
Что глаз дурной он отведет от сада!

Не мог отвесть он палок от ушей,
И умер он от немощи своей!»

* * *

Себе здоровья врач не обеспечит, —
Как от недугов он других излечит?

РАССКАЗ

Раз верблюжонок плакался усталый:
«Когда же отдых? Пройден путь немалый!»

А мать в ответ: «Владела б я уздой —
Здесь вьюков не таскали б мы с тобой!»

* * *

Добряк, хотя б в обрядах непримерный,
Все лучше, чем святоша лицемерный.

Ты пред людьми благочестив всегда —
Чего ж ты ждешь от бога в день суда?

От Амра не придут тебе щедроты,
Когда о Зейде все твои заботы.

С возлюбленным сольется только тот,
Кто с мыслью лишь о нем одном живет.

Как вол, весь день бежишь в порыве яром:
Повязку снимут — ты на месте старом.

К михрабу только повернись спиной —
И будешь еретик в молве людской.

Забыв о боге думать, мы погибли —
Свершаем мы намаз спиною к кыбле.

Коль прочны корни древа, принесет
Оно в урочный час хороший плод...

Когда ж лишен ты корня чистой мысли,
Тогда себя плодов лишенным числи.

Ты зерна на скале посеял? Знай:
Не соберешь и малый урожай!

И к почестям не устремляйся ложно —
Найти под ними много грязи можно.

Коль скверною душа моя полна,
Почетом ли омоется она?

Из лжи сшей хырку — и прекрасно выйдет,
Но только бог обман всегда увидит.

Как людям знать, кто в платье облачен?
Лишь тот, кто пишет, знает суть письмен.

Наряд твой пышный — это род подлога,
Ведь с воздухом мешок не весит много!

Бывает, з д е с ь — святоша, златоуст,
Но т а м — мешок его деяний пуст.

Лицо кафтана, видное снаружи,
Всегда получше, а подкладка хуже.

Но кто велик — на что людской им толк?
У них подкладка — драгоценный шелк.

Коль хочешь быть во всей вселенной славен,
Будь скромнен с виду, сердцем — благодивен.

Не в шутку ведь заметил Баязид:
«Мне грешник меньше страшен, чем мюрид».

Цари, султаны или шахиншахи
У врат господних пребывают в страхе.

Куда завидней доля бедняка, —
Его щадит господняя рука.

Коль жемчуг ты, со спесью ты не дружен,
Тебе в ракушке скромный угол нужен...

Коль к богу ты свой помысл обратил,
Пускай тебя не видит Джабраил.

Советы Саади добро приносят,
Когда, мой сын, как у отца, их просят.

Сегодня не слушаешь речей —
Польются завтра слезы из очей.

Я на советы не хочу скузиться —
Но как умру я, что с тобой случится?

Из шестой главы

О ДОВОЛЬСТВЕ МАЛЫМ

Тот господа не видит над собой,
Кто недоволен данной им судьбой;

Довольный небольшим живет всех слаще,
Счастливей скряг, — богач он настоящий.

Молчи, смиришь, дурная голова,
Под жерновом не вырастет трава!

Не убажай, коль ты разумен, тело,
Не то убьешь себя, скажу я смело.

Ведь мудрый доблесть пестует в себе,
Кто холит тело, — с доблестью в борьбе.

Стать человеком ты едва ли сможешь,
Коль душу пса в себе не уничтожишь!

Лишь жрать да спать — обычай всех зверей
И тех, кто не умней их, из людей.

Блажен счастливец, что в тиши укромной
Колосья знаний собирает скромно,

Кто истины божественной вкусил,
Напрягши ум, летел к ней что есть сил.

Кому и свет и мрак одно и то же,
Для тех и див и гурия похожи.

Ты в яме потому, что был упрям,
Что ровный путь не отличал от ям.

Не взмоет сокол к небу без усилья,
Когда отягчены камнями крылья.

Но если страсть его освободит,
То он легко поднимется в зенит.

Когда в еде, в питье воздержан будешь,
Сан ангельский себе, мой друг, добудешь.

Как хищник станет ангелом, ответы!
Из бездн природы в небо как взлететь?

Мы человеком счесть тебя не вправе —
Об ангельском зачем мечтаешь нраве?

Твой конь строптив, его неверен ход,
Смотри держись, — а вдруг он понесет!

Коль вырвет удила, я думать смею,
Он без труда тебе сломает шею.

Ешь в меру и не набивай живот,
Чтобы котлом не звал тебя народ!

Ты думаешь, что тело — склад для пищи? —
То мыслей о творце, души жилище.

Где поместятся о творце мечты,
Коль, как амбар набит, чуть дышишь ты?

Одной едой наполненное брюхо,
Поверь, и к мудрости и к знаниям глухо.

Не набивай строптивные кишки,
Нельзя насытить брюхо и зрачки!

Они, что ад, — чем больше жертв глотает,
Тем яростней кричит он: «Не хватает!»

Ису худого смерть чуть не взяла,
А ты все потчуеть его осла!

Глупец! Ты веру ль меньше злата ценишь?
Иль на осла инджил Исы ты сменишь?

Не видишь разве — зверь попал в капкан
Затем, что был алчбою обуян!

И ты, как мощный тигр, зверей владыка,
В капкан влеком своей алчбой великой.

Ты алчешь хлеба с сыром? Что ж, как мышь,
За хлеб в силок, поверь мне, угодишь!

РАССКАЗ

Мне гребень кости подарил слоновой
Один хаджи, порадовав обновой.

Однажды он, забывши божий страх,
Назвал меня собакою в сердцах.

Швырнул я гребень: «Из-за этой кости
Ты псом зовешь меня, кипишь от злости!

Я буду уксус пить, но за халву
Обиды не приму, пока живу!»

Для тех, кто с детства к малому привычен,
Султан от нищей братья не отличен.

Зачем же к царским припадать стопам?
Отбросив жадность, царь ты будешь сам.

Но если плоть свою ты не забудешь,
То перед всеми кланяться ты будешь.

РАССКАЗ

Раз утром некто, жадный и скупой,
Шел к Хорезм-шаху быстрою стопой.

Узрев царя, согнулся он мгновенно
И прах пред ним поцеловал смиренно.

И сын ему сказал: «Сомнения нет,
На мой вопрос, отец, ты дашь ответ!

Учил ты: кыбла — в стороне Хиджаза.
Куда ж ты сам склонился для намаза!»

Пусть страсть тебя и жадность не влекут —
Та кыбла нынче там, а завтра тут.

Исполнить не спеши велений страсти —
Невыполнивший спасся от напасти.

Умеренность твою главу взнесет,
А жадность лишь к плечам ее прижмет.

Пожадничал — с бесчестьем будешь дружен,
За два зерна отдашь ли горсть жемчужин?

Когда в реке воды довольно есть,
За ледяной шербет продашь ли честь?

Когда ты страсти не смиришь мятежной,
Пойдешь за подаяньем неизбежно.

О боже, руки жадных ты обрежь,
Добра не будет от скупых невеж?

Тот, кто от жадности своей отстанет,
Уж никому «твой раб» писать не станет!

Отсюду гонят попрошайек прочь,
Умерен будь, иль будет жить невмочь.

РАССКАЗ

Сказали раз больному лихорадкой:
«У Амра взял бы ты наиток сладкий!»

«От горечи мне лучше умереть,
Чем кислое лицо его узреть!»

От кислого лицом, как уксус, злюки
Мудрец не станет брать и сахар в руки.
Страсть утолить, о друг мой, не спеши,
Окрепнет тело — гаснет свет души.
Господством страсти ты унижен будешь,
Не пестуй страсть — иль ты обижен будешь.
Коль будешь есть, чего возжаждет страсть,
К обидам многим попадешь во власть.
Без устали топя печь брюха, вскоре
Окажешься в нужде и горьком горе.
В счастливый день набитый, твой живот
В дни бедствия с лица весь цвет сотрет.
Легко живот нести обжоре тяжкий,
Но трудно жить, коль жизнь не даст поблажки.
Стыда не хочешь? Чревом не греши,
Обида чрева — счастье для души.

* * *

Украсит злато благородных свойства.
Но злата нет, так нет и беспокойства.
Не думай, что подлец, Каруном став,
Тем сможет изменить свой низкий нрав.
А щедрый, даже хлеба не имел,
Природою богаче богатея.
Богатство — семя, а твой нрав — земля, —
Дари — и урожай дадут поля.
Людей создав из праха, их создатель
К творениям приязни не утратил.
Кто копит деньги, не узрит высот, —
Стоячая вода всегда гниет.

Старайся раздавать — воде текучей
Всегда шлет небо в помощь дождь могучий.

Подлец, коль потерял добро и власть,
Уже не сможет на их след напасть.

Когда ты жемчуг, что тебя тревожит? —
Тебя ведь время сокрушить не может.

Булыжники, что на земле лежат,
Не остановят любопытный взгляд.

А золота меж тем крупицу даже
Отыщут люди со свечой сейчас же.

Стекло в оковах камня не держи,
А зеркало освободи от ржи!

Прекрасно, если ты благого нрава —
Придут, уйдут богатство, сила, слава.

* * *

Ведь и лоза не вечно зелена,
И то без листьев, то в плодах она.

Великие — как солнце в непогоду.
Завистник — уголь, жар, упавший в воду.

Но солнце выйдет из-за туч опять,
А углю от воды лишь угасать.

Тебя пусть царство мрака не тревожит —
В нем ключ живой воды скрываться может.

Вращался долго мир — нашел привал.
Так Саади: бродил — и счастлив стал.

Не злобствуй же на небо-супостата,
Ведь ясным днем, ты знаешь, ночь чревата.

Из седьмой главы

О ВОСПИТАНИИ

Оружье и човган не манят нас:
О добром нраве поведем рассказ.

Тебе врага разить — немного чести,
Раз враг твой — страсть — живет с тобою
вместе.

Лишь те, что страсти победить смогли,
По мужеству Рустама превзошли.

Себя ты палкой поучай сурово,
Но не задень по голове другого!

В краю души — добра и зла с лихвой!
В нем ты султан, а ум — советник твой!

Вельможи края — набожность, смиренье,
В нем тати — страсти, что всегда
в движенье...

Но коль султан потворствует вора́м —
То мудрецам не будет жизни там!

По жилам, непокорны высшей власти,
Текут и зависть, и алчба, и страсти, —

Но разума страстям не одолеть,
Когда по ним его гуляет плеть!

Тот властелин, что сброду потакает,
Своей страной плохо управляет!

Но хватит — всем понятно существо;
Для дела хватит слова одного.

* * *

Расстелешься ты ровною долиной —
Тогда горою встанешь над равниной.

Мудрец, храни молчания печать —
И в судный день не будешь отвечать!

Ракушки нужны лишь из-за жемчужин —
Так и для слов отбор строжайший нужен!

От многословия в ушах свербит!
Советам внемлет тот лишь, кто молчит!

А если говоришь за словом слово —
Не вкусишь сладость от речей другого!

Не прерывай того, кто держит речь!
И бойся болтовней беду навлечь!

Пусть на ответы скоры пустомели:
Кто думает — лишь тот умен на деле!

Речь — совершенство высшее людей,
Ты слово унижать свое не смей!

Чем меньше слов — угодней для аллаха.
Крупинка амбры — лучше кучи праха!

Остерегайся речи болтуна:
У подлинного слова есть цена!

Сто стрел твоих бесплодно пролетели:
Метни одну, но чтоб достигла цели!

Зачем ты втайне говоришь, мой друг,
Что постыдишься всем поведать вслух?

Злословишь ты за стенкой про соседа?
Из-за стены к нему дойдет беседа!

Для тайн душа быть крепостью должна.
Следи, чтоб заперта была она!

Кто мудр, язык свой держит за зубами.
Зажги фитиль — свечу охватит пламя!

РАССКАЗ

Однажды некто стал браниться в споре,
Ему рубашку разорвали вскоре.

Заплакал он и сел, избит вконец,
И так утешил бедного мудрец:

«Да, розой бы твой ворот не раскрылся,
Когда б ты рот бутоном сжать стремился!»

Язык напрасно пустомеле дан:
Он звонок, но и пуст, как барабан!

Как язычки огонь ни развеваает —
Вода его мгновенно заливает,

Коль доблестью своей ты знаменит —
Пусть доблесть о тебе и говорит!

Нам ценность злата клятва не докажет,
А пробный камень истину расскажет!

О злопыхатель, все не тверди,
Что неживчив, злобен Саади:

Все поруганья вынесу без злости,
Пусть мне мой враг перемывает кости!

РАССКАЗ

Рассказы старцев слушал бы я век!
Вот что поведал мудрый человек:

«По Индии я шел дорогой торной,
Поодаль вижу: негр — огромный, черный...

С ним девушка была луны светлей.
Искусан до крови был рот у ней.

Личина негра ночь напоминала,
Я думал, ночь в тисках зарю сжимала!

И я почувствовал, вдруг осмелев,
Что мне огня и сил прибавил гнев!»

Вскричал я, негра угощая палкой:
«Разбойник ты, убить тебя не жалко!»

И дрался я, хоть не охоч до драк,
Чтобы зарю не смял проклятый мрак!

Вдаль грозовое облако умчалось,
Яйцо из-под вороны показалось...

Я так шумел, что скрылся злобный див,
Но пери плакала, меня схватив:

«Ах ты, ханжа в смиренном облаченье!
Ты лицемер, достойный обличенья!

Уж сколько дней я в негра влюблена!
Я вся горю... Я им восхищена!

Желанней не достигла я предела,
Из-за тебя съесть сахар не успела!»

И, продолжая горько причитать,
Красавица на помощь стала звать:

«О молодцы! Помочь сюда идите
И суд над старикашкой сотворите!

Ведь он, забыв почтенный возраст свой,
До женщины дотронулся рукой!»

Меня задела больно эти речи,
И голову, стыдясь, втянул я в плечи;
И разум подсказал душе моей
Разоблачиться, словно лук-порей.
На растерзанье ей оставив платье,
Бежал, желая смерти избежать я.
Мы с вею как-то встретились опять:
«Узнал меня!» — «Уж как тут не узнать!»
Меня навек ты отучить сумела
Соваться, не спросясь, в чужое дело!
В такие сети век не угодит
Мудрец, что в уголке своем сидит!
Напуганный подобным злоключеньем,
Коль нужно — явь сочту я сновиденьем.
Коль ты умен — напрасно не кричи,
Скажи, как Саади, или молчи!

* * *

Не говори худого ни о ком,
Чтоб самому не выйти дураком!
Злой от хулы ведь только злее будет.
А доброго хула ко злу принудит!
Кто при тебе кого б ни осудил,
Считай — тебе он кости перемыл!
Ведь клевета напраслиной бывает,
А клеветник — подлец, то всякий знает!
Кто для хулы свой открывает рот,
Хоть прав он, на себя вину берет!
Раз некто стал злословить на соседа,
Но услышал ответ от сердцеведа:

«Что ж, если честь утратит твой сосед?
Тебе с его бесчестья — чести нет!»

«Я кражу предпочел бы злоязычью!» —
Сказал мне друг; я счел то слово дичью

И возразил: «О мой сердечный друг!
Твои слова мой поразили слух!

Ты ль сыщешь благо в логове позора?
Как отличить клеветника от вора?»

Ответил он: «Являет смелость вор;
Чтоб сытым быть, идет он на позор!

Хулителю хуже вора поступает —
Себе без пользы честь других марает!»

РАССКАЗ

В «Низамии», все ночи напролет,
Зубрил я, помню, за казенный счет.

Раз мудрецу поведал я в смятенье,
Что мне мой друг завидует в ученье:

«Чуть я в хадисах знанья покажу —
Подлец в лице меняется, гляжу!»

На то мудрец мне возразил сурово,
И я навек его запомнил слово:

«Людей толкает зависть на хулу,
И все ж злословье нам не в похвалу!

Путь в ад себе он выбрал — нет в том спора,
Но ты его догонишь очень скоро!»

* * *

Три вида мне людей всего известно,
Которых обругать всегда уместно:

Во-первых, падишах, что любит гнет,
Пред кем дрожит в бессилии народ.

Похвально разглашать его деянья,
Чтобы людей избавить от страданья!

А во-вторых, бесстыжий и нахал
Не стоит, чтоб его ты покрывал.

В колодец головой он сам суется;
Такого не спасай: он не спасется!

И в-третьих, ложь избравший ремеслом —
О нем поведать всем не будет злом.

* * *

Клеветника презренней я не видел,
Он клеветою сам себя обидел.

По мерзости и гнусности своей
Раздор он сеет между двух друзей.

Друзья забудут все раздоры скоро,
На сплетнике — навек пятно позора!

Смешно костер разжечь между двоих
И загореться на глазах у них!

Как Саади, блаженства тот достоин,
Кто день и ночь молчит, всегда спокоен.

Но зная что-то, нужное другим,
Не прячь, хоть это неприятно им!

И завтра ты услышишь от строптивых:
«Как жаль, я не послушал слов правдивых!»

* * *

Когда жена с молитвой на устах —
И бедный муж с ней будет падишах!

Пять раз бей в барабан ты пред собою,
Коль добрая жена дана судьбою!

Недугом не покажется недуг,
Когда твоя жена — твой верный друг!

Коль дом женою любящей украшен,
Тогда господний гнев ему не страшен.

Когда красива и добра жена,
То мужа словно в рай ведет она.

Считай, что счастье не промчалось мимо,
Коль ты согласно жил с женой любимой.

Грубить не нужно ласковой жене,
Чтоб счастье уберечь свое вполне.

Злонравье часто скрыто красотой!
Жена милей сердечной добротою!

Ангелолицей коготки узнав —
Дурнушку предпочтешь за добрый нрав!

Она и уксусу от мужа рада,
А кисллицей и халвы не надо!

Нас добрая избавит от тревог,
От прихотливых жен избавь нас бог!

Коль попугай живет с вороной в клетке,
Мечтает он: спастись бы от соседки!

Спешн спастись ты от жены дурной
Какою бы то ни было ценой!

И будет лучше сторона чужая,
Когда в дому сидит жена дурная!

Тот дом, где женский визг всегда стоит,
Для радости навек замком закрыт.

Побей жену, коль бродит по базарам,
Не то отдашь мужскую честь задаром!

Коль жены непослушны, говорят,
Мужьям их надо женский сшить наряд!

Женился ты на глупой и порочной —
С бедой своею ты сдружился прочно!

Когда на горсть овса схитрит жена,
Ты потеряешь и амбар зерна!

Господний раб, ты счастлив бесконечно,
Когда жена верна тебе навечно!

Когда жена глядит в глаза чужим —
Муж, не хвались ты мужеством своим!

Когда жену прельщает плод запретный —
Ей нужен муж покорный, безответный.

Жена! В глаза чужие не смотри!
Решила ты гулять? Скорей умри!

Коль над женою властвует причуда,
И шаг скользит, и взор исполнен блуда, —

Беги от рук ее к дракону в пасть!
Уж лучше умереть, чем низко пасть!

Жизнь облегчает добрая жена.
Оставь сварливую! Зачем она?

Об этом есть два славных изречения
Мужей, что из-за жен несли лишения!

Один сказал: «Не надо злой жены!»
Другой: «Нет, вовсе жены не нужны!»

Меняй жену весною ежегодно,
Как старый календарь, уже негодный.

Но пленников жены ты не суди,
Ты на себя взгляни, о Саади!

Побывши ночь одну в объятьях страстных,
О, сколько терпишь ты обид напрасных!

* * *

Когда десятилетним будет сын,
Пусть избегает он чужих мужчин!

Мудрец не держит хлопок возле дома,
А то сгорит и дом весь, как солома.

Чтоб память о тебе могли хранить,
Ты должен сына разуму учить!

Не вложишь в сына ты ума и знания —
Не будет о тебе воспоминанья!

Сын будет в жизни счастья лишен,
Коль неженкой воспитан будет он.

Пусть воспитанье разум в нем пробудит,
Но пусть он избалованным не будет.

Его наказывай и обучай,
К дурному отвращенье внушай,

Но помни, что начавшему ученье
Полезней всех побоев наставленье.

Пусть ты Карун — все ж нет спасенья в том,
Пусть сын твой овладеет ремеслом!

Погибнет и безмерное богатство
От войн, несчастий или тунеядства.

Иссякнуть может золото в мешках,
А дело у тебя всегда в руках!

Коль время, что нас всех с собой уносит,
И сына на чужбину вдруг забросит.

То если сын твой с ремеслом знаком,
В чужом краю он обретет свой дом!
Так Саади обрел довольство ныне,
Не от дорог по морю и пустыне —
Не раз он в детстве старшими был бит,
Зато и богом не был позабыт.
Кто приказанье выполняет споро,
Тот и повелевать сумеет скоро.
Дитя пред роком голову согнет,
Коль не могло снести ученья гнет.
Оберегай же сына от порока,
Пусть у других не ищет он урока.
Коль сын отца не видит своего,
Другой легко с пути собьет его.
Ребенку не давай с дурным общаться:
Навек дурным он может сам остаться.

РАССКАЗ

Был некий муж, умен и даровит,
Искусством проповеди знаменит.
Благой мудрец с душою безупречной,
Был и лицом прекрасен бесконечно.
Красноречив, в грамматике силен,
Но только — горе! — шепелявил он!
Заметил я о нем бездумно-грубо:
«У бедного, знать, не хватает зуба!»
Мой собеседник даже покраснел:
«Я вижу, ты в бесстыдстве закоснел!
Единственный порок ты в нем заметил,
Не видя, как он доблестен и светел».

Поверь, когда придет последний срок, —
Простят благому небольшой порок.

Коль муж благой и добрый чрезвычайно
Споткнется на мгновение случайно —

Так ты за то бранить его не смей,
Хорошее всегда найти сумеи!

Шипы и розы вырастают вместе, —
Шипы собирать — не много в этом чести!

Тот, кто злонравья победить не мог,
В павлине видит лишь уродство ног.

Пыль на зеркале портит отраженье!
Злонравный! Должен ты очистить зренье!

Стремись же, милый друг, к путям благим!
К словам не придирайся ты чужим!

Чужого не выпячивай порока,
Свои пороки осуждай жестоко.

К чему кричать мне о грехах других,
Когда я сам повинен тоже в них?

Не следует в сужденьях быть суровым,
Раз сам себя оправдываешь словом.

Коль зла не любишь, сам не делай зла,
Тогда суди соседские дела!

Молчу ли я или болтаю много, —
Лишь внешность для тебя, душа — для бога!

Коль я по виду благ, приличие знай —
О сущности моей не рассуждай.

Каков мой нрав и что он в мире стоит,
Господь своим суждением удостоит.

Я пользу знаю сам свою и вред,
Каков я есть — тебе и дела нет.

Не будь же слишком щедр на наказания,
Свершать старайся добрые деянья.

Благое дело соверши одно, —
И богом будет десять зачтено.

Заметив доблесть беспристрастным оком,
Дай отпущенье десяти порокам.

Не выставляй порока напоказ
У тех, кто делал благо сотни раз,

Как те враги, что с ненавистью черной
Стих Саади преследуют позорно...

Не вникнув в тонкость мыслей, в ясный слог,
Вой поднимают, отыскав грешок!

Все потому, что зависть ослепила
Завистников и честь их усыпила.

Бог создал тварей милостью своей:
Тех покрасивей, этих подурней.

Не все глаза красивы. Но позорно
Судить по коже, забыв про зерна!

Из восьмой главы

О БЛАГОДАРНОСТИ ЗА БЛАГОПОЛУЧИЕ

Ты создан чистым — чистым оставайся
И в прах запятнанным не возвращайся.

Немедля каплю с зеркала сотри,
Не то оно заржавеет, смотри!

Ты был вначале капелькою влаги —
Смирненным мужем будь, чтоб жить во благе!

Чтоб хлеб добыть, ты силу приложи,
Но силой мышц одной не дорожи!

Иль, себялюбец, ты забыл о боге?
Твой он руки двигает и ноги!

Хоть хлеб добудешь ты трудом своим,
Все ж и твой хлеб, поверь, дарован им!

Меч счастья, верь мне, силою не схватишь —
Что ж господу хвалой ты не заплатишь?

Ступить ты твердо не способен сам,
Лишь бог поддержку даст твоим ногам.

Не чрево ль было, друг, твое жилище?
От пуповины ждал ты сладкой пищи.

Но пуповина срезана, а вот
Грудь матери господь тебе дает.

Коль странник испытал судьбы коварство,
Вода родной земли — его лекарство.

В утробе материнской вскормлен он
И кровью материнской напоен.

Два груди — две приманки для дитяти —
Два родника всевышней благодати.

Источником Ковсара грудь считай,
Ведь лоно матери — небесный рай.

Мать — древо жизни, вечной и безбрежной,
Ее дитя — то плод на древе нежный.

От груди к сердцу жилы все идут,
Кровь сердца дети в молоке сосут.

РАССКАЗ

Юнец не слушал матери родимой —
Ее душа тоской была палима;

Она в обиде молвила: «Ужель
Ты позабыл вот эту колыбель?»

Как плакал ты беспомощно, малютка!
Я за тобой всю ночь следила чутко!

Бессилен, слаб ты в колыбели был,
Ты муху криком отогнать просил.

И ты ль, кого терзала даже муха,
Своей гордишься силой пред старухой?

Но будет снова рок с тобой суров —
Отгонишь ли в могиле муравьев?

И будут ли гореть глаза-светильни,
Когда твой мозг сожрет червяк могильный?»

Коль встретится слепой старик тебе,
Что ям не различает при ходьбе, —

Ты помоги, за зренье бога славя,
А то слепым ты будешь зваться вправе.
Кем ум тебе был вложен в естество?
Бог иль наставник дал тебе его?
Коль бог закрыл бы для тебя свет истин,
Твоей душе свет был бы ненавистен.

РАССКАЗ

Царевич некий, править не умея,
Упал с коня — и вывихнулась шея.
Приросшая к плечам, как у слона,
Сама вертеться не могла она.
Не справился никто с бедой неожиданной,
Помог один лишь лекарь из Юнана.
Исправил вывих мудрый человек,
Беднягу спас от участи калек.
Когда явился врач к нему вторично,
То отвернулся негодой двуличный.
Мудрец ушел, унижен, пристыжен,
Я слышал,— уходя, бранился он:
«Когда бы шею я ему не вправил,
Он спесь свою наверняка бы сбавил».
Врач зерна шлет царевичу, и тот
В кадильнице, как ладан, зерна жжет...
Вдруг он чихнул, не вытерпевши дыма,
И шею вывихнул непоправимо.
И полетели за гонцом гонец,
Но где-то без следа исчез мудрец.
Коль голову склонять ты не привыкнешь,
Ты в судный день главой своей поникнешь.

* * *

Не ценят счастья люди никогда,
Пока щадят их горе и беда.

Зимой бедняк измучен и несчастен,
А ропщет тот, кто над богатством властен.

Так здоровяк, пока был полон сил, —
Владыку за здоровье не хвалил.

И ты, пусть ноги у тебя проворны,
Не обгоняй больных, творцу покорный.

Когда ты молод — дряхлых пожалей,
Когда ты крепок — чахлых пожалей.

Кто на пустынный край Джейхун не сменит,
Тот воду очень невысоко ценит.

Когда у берега Тигра ты живешь,
Как ты в пустыне страждущих поймешь?

И как поймешь ты, что здоровье сладко,
Пока тебя не схватит лихорадка?

И разве длинной будет ночь для тех,
Кто сладко спит, вкусив дневных утех?

Зато тому, кто лихорадкой мучим,
Ночное время кажется тягучим.

Кому и с барабаном встать невмочь,
Не знает, как проводит стража ночь.

Из девятой главы

О ПОКАЯНИИ И РАЗУМНОМ ОБРАЗЕ ДЕЙСТВИИ

Что спишь ты? Ведь тебе седьмой десяток.
Пускаешь на ветер и дней остаток?

Ты думал, пропитанье как добыть, —
Как об отъезде мог ты позабыть?

Мы в день суда на торжище прибудем,
Там по заслугам воздадут всем людям.

Получишь столько, сколько привезешь,
Ни с чем прибудешь, стыд лишь обретишь!

Чем оживленной будет шум базара,
Тем хуже тем, кто вовсе без товара.

Утратив из полсотни пять монет —
И то заплачешь горестно, мой свет!

А коль полвека быстрые промчались —
Ты не губи пять дней, что все ж остались.

РАССКАЗ

Раз ночью, в пору сладостных веселий,
Юнцы еще, за пиром мы сидели.

Разнесся далеко наш звонкий смех,
Звук наших песен, шум молодых утех.

Там был старик. Он жизнь провел в скитаньях.
И поседел в жестоких испытаньях.

Он, как орех, замкнул свои уста,
Фисташкой не круглил в улыбке рта.

Спросил его юнец нетерпеливый:
«Что ты сидишь в своем углу тоскливо?»

Главу с печальной груди подними,
Участье в играх юношей прими!»

Услышав, что сказал прекраснокудрый,
Ему ответил тихо старец мудрый:

«Коль дует ветерок на гулистан —
Лишь молодой побег от счастья пьян.

Траве зеленой жизнь — одно веселье,
Приходит желтизна — и с ней похмелье.

Лишь мускусная ива зацветет.
С деревьев старых вся листва спадет.

Дни молодых забав давно забыты,
И старостью окрашены ланиты!

Ведь сокол, что в моих силках, вот-вот,
Порвавши путы, в воздух упорхнет.

Теперь пора за скатерть в а м садиться,
А мы уже успели насладиться.

Прах старости печальный в волосах;
Не до веселья мне в моих летах.

Покрылся снегом. Кончен счет усладам. ◦
Как соловью, мне ль наслаждаться садом?

Пусть хвастает павлин своим хвостом,
Я — сокол с переломанным крылом.

Я сеял — не взошла моя пшеница,
Но ваша нива пышно колосится,
В моем саду и свежих роз уж нет,
Из вялых роз кто делает букет?
Давно уж я на палку опираюсь
И о надеждах позабыть стараюсь.
Юнцу вполне хватает быстрых ног,
Старик без рук и двигаться б не мог.
На щеках розы превратились в золото,
Вот так желтеет солнце в час заката.
Мечты еще уместны для детей —
Тебе ль мечтать, о старый дуралей?
О прегрешеньях тяжких не забуду
И, как дитя, о них я плакать буду».
Лукман сказал: «Предпочитай не жить,
Чтоб только заблужденьям не служить».
И утром лучше лавку я закрою,
Чем с прибылью расстанусь и с казною!
Чернь юного сменится белизной,
Старик же чернь грехов берет с собой.

РАССКАЗ

В пустыне Фейд я спал, устав с дороги,
Мне сон сковал немилосердно ноги.
Погонщик, рассердясь, мой сон кляня,
Уздой по голове стегнул меня:
«Ведь ты умрешь, отстав от каравана,
Раздался звон — вставай, уже не рано!
Как ты, хотел бы выспаться и я,
Но впереди пустынные края!»

Под барабанный стук ты в грезах тонешь —
Когда ж вперед ушедших ты догонишь?

Забил уж караванчик в барабан,
Вперед пошел он, трогать караван.

До барабана все сберешь проворно —
Тебя признают мудрецом бесспорно.

А если на стоянке ты заснешь, —
Следов ушедших, встав, ты не найдешь.

Как счастлив тот, кто встал без промедленья!
Коль все ушли — к чему же пробужденье?

Ячмень посеяв, не воображай,
Что соберешь пшеницы урожай.

Вставай-ка, спящий, ты поспал — и будет.
Что пользы, если смерть тебя разбудит?

Уж младости твоей настал закат,
Ночь днем сменилась. Встань! Сон злом чреват!

Я знал, что в жизни ждет меня немилость,
С тех пор как белизною чернь сменилась.

Жаль, жизнь прошла и цвет ее поник,
И скоро минет этот краткий миг.

В ошибках прошлое пустил ко дну ты,
Смотри цени последние минуты.

Посей зерно, за ростом наблюдай,
Чтоб только скудным не был урожай.

РАССКАЗ

Джам потерял жену. Что сделать мог он?
Ее в шелка окутал он, как кокон.

Пришел он как-то раз в гробницу к ней,
Чтобы предаться горести своей.

И что ж? Истлел весь саван погребальный.
И про себя подумал царь печальный:

«Шелк у червей едва я смог отнять,
И черви отняли его опять!»

Пусть кипарис высокий вырастает —
Ведь ветер смерти и его ломает.

Каких судьба Юсуфов ни творит,
Их, как Юнусов, ест могила-кит.

Два бейта буду вспоминать я вечно,
Их под рубаб певец пропел беспечно:

«Жаль, после смерти нашей много лет
Все будет цвести в садах весенний цвет...

И дей и тир придут своей чредою,
Мы кирпичами станем той порою».

РАССКАЗ

Случилось так, что некий муж святой
Нашел однажды слиток золотой.

И светлый ум склонился к мыслям вздорным,
От жадности и сердце стало черным.

И он мечтал все ночи в тишине:
«Пока я жив, богатства хватит мне.

Теперь я немощи свои забуду,
Свой стан ни перед кем сгибать не буду.

Из мрамора себе воздвигну дом,
Чтоб потолок был из алоев в нем.

Друзьям я отведу покой — чудо,
Дверь будет открываться в сад оттуда.

Теперь к заплате не лепить лоскут,
Огни танура очи не сожгут.

Теперь варить мне пищу будут слуги,
Я буду тешить дух свой на досуге.

Узнаю в шелковой постели толк,
Довольно войлока — мне нужен шелк!»

И бедный старец стал безумен разом,
Как будто рак клешней вцепился в разум.

Уж он не ел, не спал, казной гордясь,
И перестал он совершать намаз.

Пошел он как-то раз, мечтая, в поле —
Ему на месте не сиделось боле.

А кто-то там корпел среди могил
И глину их на кирпичи месил.

И старец молвил с горестным упреком:
«Душа! Хоть этим просветись уроком!

Что к злату тянешься в своих мечтах?
Ведь станет кирпичом твой бранный прах!

Пасть жадности так широко открыта,
Что с одного куска не будет сытой!

О глупая, уйди от суеты!
Иль кирпичом Джейхун запрудишь ты?

О прибыли, богатстве ты мечтаешь,
Казну всей жизни праздно развеаешь!

Тебе пыль страсти замутила ум,
Сжег ниву жизни жадности самум!

Сурьму сует скорей сотри со взора —
Ведь ты для глаз сурью станешь скоро».

РАССКАЗ

Друг с другом как-то древле два царя
В войну вступили, яростью горя...

Нельзя им было в мире жить совместно,
Под небосводом им казалось тесно.

Но смерть, войска наслав на одного,
К концу веселье привела его.

И тот, с которым был он в вечном споре,
Гробницу недруга проведаль вскоре.

Кто пышно жил в чертоге золотом,
Лежал в мазаре пыльном и пустом.

Враг подошел с улыбкой гордой к гробу
И начал говорить, не скрывши злобу:

«Как после смерти лютого врага
Жизнь средь друзей сладка и дорога!

Кто пережил врага на день, поверьте,
О том не нужно сожалеть по смерти».

И в ярой злобе он торжествовал,
Плиту с могилы дерзостно сорвал...

Увидел: голова — добыча пыли,
А очи, что сверкали, — прахом были.

Могучего объял могильный тлен,
К червям и муравьям попал он в плен.

Скелет могильною набит землю,
Как ящичек из кости тутнею.

Лик — в полумесяц узкий превращен,
Стан-кипарис злым временем сожжен.

И длань царя, властителя державы,
Лежала, разделившись на суставы.

И жалость вдруг врага лишила сил,
Могилу он слезами оросил.

В дурных поступках каяться он начал
И на плите могильной обозначил:

«Не радуйся, когда враги умрут, —
Тебе недолго оставаться тут!»

Услышав то, мудрец мимо идущий,
Вскричал рыдая: «Боже всемогущий,

Ужели ты не сжалишься над ним —
Ведь он оплакан и врагом своим!»

И наше тело вот таким же станет,
И на него с печалью враг наш взглянет!

Ужель не пожалеет друг никак,
Когда заплачет даже злейший враг!

Сгниет однажды череп человека,
Как будто глаз в нем не было от века!

Задел лопатой как-то глину я
И слышу вдруг, дыханье затая:

«Потише бей, о человек жестокий!
Здесь уши, лоб, глаза, уста и щеки!»

РАССКАЗ

Раз на заре, проснувшись без забот,
Я с караваном двинулся в поход.

Вдруг темнота застлала наши очи.
Вихрь налетел, что был темнее ночи.

Шла с караваном девушка одна,
Стирала пыль с очей отца она.

Отец сказал ей: «О моя отрада,
Отцу служить всегда ты сердцем рада!

Недолго пыли быть в глазах моих,
И вытирать тебе недолго их».

Под бурями не каждая ль частица
С своей соседкой навсегда простится?

Душа — что быстроногий конь-огонь,
Тебя в могилу унесет тот конь.

Смерть стремена сорвет — и конь упрямый
Уже не остановится пред ямой!

* * *

О человек! Ты клетка или сеть!
Душа, как птица, хочет улететь.

Но трудно птице улететь на ветки, —
Лишь улетит она — и снова в клетке.

Жизнь эту — миг — используй до конца.
Но дольше жизни миг для мудреца.

Над миром стал царь Искандер владыкой;
Скончавшись, потерял весь мир великий.

И он не мог, как ни был он велик,
Отдав весь мир, взять хоть единый миг.

Так все ушли, пожав плоды деянья,
От них остались лишь воспоминанья.

К стоянке этой что душою льнуть?
Друзья ушли, и нам уж скоро в путь.

И после будут розы раскрываться,
В саду друзья все будут собираться.

Не будь же в мир-красавицу влюблен —
Влюбленным вырывает сердце он.

Хоть человека прах могильный скроет —
День воскресенья прах могильный смочет.

И ныне откажись от суеты,
Иль в судный день головой поникнешь ты!

В Шираз с дороги легче воротиться,
Здесь отдохнуть ты можешь и умыться!
Подобный праху грешник! Скоро, знай,
Уже в чужой отправишься ты край!
Из двух ключей ты слез пролей потоки.
Коль грязен ты, смывай с себя пороки!

РАССКАЗ

Я вспоминаю моего отца, —
Благословен он будет до конца! —
Купил он в детстве мне тетрадь с дощечкой,
Купил вдобавок и печать-колечко.
Но перекунищик, не прошло и дня,
За финик взял колечко у меня!
Цена кольца ребенка не тревожит,
И за пустяк его отдать он может.
В утехах дни твои проведены —
Ты жизни подлинной не знал цены.

РАССКАЗ

Царь на царя пошел, как на злодея;
Врагу его он выдал, не жалея.
И, оказавшись у врага в руках,
Рыдал и плакал безутешный шах.
«Ах, если бы я друга не обидел,
Я б гнета злобного врага не видел».
Пусть кожу злобный враг сдерет с того,
Кто друга обижает своего.
Лишь на друзей глядеть разумный станет —
Враг на него тогда с опаской глянет.

Будь вечно ласков с другом — и тогда
Твой злобный враг погибнет без следа.

Позор тому, кто злобе даст свободу
И друга оскорбит врагу в угоду.

РАССКАЗ

Один хаджа лишь только жрал да лгал,
Но все ж иблиса без конца ругал.

Иблис сказал, его в дороге встрета:
«Таких глупцов я не видал на свете!

Я вижу, дружбу ты ведешь со мной —
Так что ж ты на меня пошел войной?»

РАССКАЗ

Я помню, в праздник — в детстве это было —
Меня повел гулять отец мой милый.

Играл я, увлекался все сильнее
И потерял отца в толпе людей.

Я закричал, охваченный тревогой,
Отец схватил меня за ухо строго:

«С тобой хлебну я горя через край!
Я говорил — полу не выпускай!»

Идти, пути не зная, безрассудно,
Ребенку заблудиться так нетрудно.

И ты один отстанешь, как дитя,
Проводника полу не ухвата.

Ты дружбу не води с людьми без чести,
Ты сам презрев, коль был ты с ними вместе.

**Держись за беспорочных — мой совет,
У них презренья даже к нищим нет.**

**Мюрид слабее малого дитяти,
А шейх — стена небесной благодати.**

**С младенцев надо брать пример тебе —
Всегда держись за стенку при ходьбе.**

ГАЗЕЛИ

* * *

В зеркале отражен прекрасный образ твой.
Зерцало чисто, дивный лик пленяет красотой.

Как драгоценное вино в прозрачном хрустале,
В глазах блистающих твоих искрится дух живой.

Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой.

Освобождает из петли главу степная лань,
Но я захлестнут навсегда кудрей твоих петель.

Так бедный голубь, если он привык к одной стрехе,
Хоть смерть грозит, гнезда не вьет под кровлею
другой.

Но жаловаться не могу я людям на тебя,
Ведь бесполезен плач и крик гонимого судьбой.

Твоей душой дай на миг мне стать и запылать,
Чтоб в небе темном и глухом сравняться с Сурайей.

Будь неприступной, будь всегда, как крепость
в высоте,

Чтобы залетный попугай не смел болтать с тобой.

Будь неприступной, будь всегда суровой, красота!
Дабы пленяться пустозвон не смел твоей халвой.

Пусть в твой благоуханный сад войдет лишь Саади!
И пусть найдет закрытым вход гостей осиный рой.

Коль спокойно ты будешь на муки страдальца
взирать —
Не смогу я свой мир и душевный покой отстоять.
Красоту свою гордую видишь ты в зеркале мира, —
Но пойми: что влюбленным приходится
претерпевать!

О, приди! Наступила весна. Мы умчимся с тобою,
Бросим сад, и в пустыне оставим других кочевать.
Почему над ручьем не шумишь ты густым
кипарисом?

Кипарисом тебе подобает весь мир осенять.

Ты такой красотой сияешь, таким совершенством,
Что и красноречивым каламом их не описать.

Кто сказал, что смотреть я не должен на лик твой
чудесный?

Стыдно годы прожить и лица твоего не видеть.

Так тебя я люблю, что из рук твоих чашу любую
Я приму, пусть мне яд суждено в том напитке
принять.

Лица Азры не видел невежда, бранящий Вамика,
И презренный невежда лишь может меня укорять.

Я от горя в молчанье горю. Ты об этом не знаешь!
Ты не видишь: слеза на глазах моих блещет опять!

Ты ведь знал, Саади: твое сердце ограблено будет...
Как набегу разбоя грозящего противостоять?

Но надежда мне брезжит теперь, что придет
исцеленье.

Ночь уходит, глухая зима удаляется вспять.

В ночь разлуки с любимой мне завесы парча
не нужна, —
В темной опочивальне одинокая ночь так длинна.
Люди мудрые знают, как теряет свой ум
одержимый.
У влюбленных безумцев впереди безнадежность
одна.
Пусть не плод померанца — свою руку безумец
порежет,
Зулейха невиновна, недостойна укоров она.
Чтобы старец суровый не утратил душевного мира,
Скрой лицо кисеею, ибо ты так нежна, так юна.
Ты подобна бутону белой розы, а нежностью
стана —
Кипарису: так дивно ты гибка, и тонка, и стройна.
Нет, любой твоей речи я ни словом не стану
перечить,
Без тебя нет мне жизни, без тебя и светлая
радость бедна.
Я всю ночь до рассвета просидел, своих глаз
не смыкая,
К Сураи́е устремляя блеск очей-близнецов из окна.
Ночь и светоч зажженный, — вместе радостно им
до рассвета
Любоваться тобою, упиваться, не ведая сна.
Перед кем изолью свои жалобы? Ведь — по закону
Шариата влюбленных — на тебе за убийство вина.
Ты похитила сердце обещаний коварной игрою...
Скажешь: племенем Саъда так разграблена вражья
казна.

Не меня одного лишь — Саади — уничтожить ты
можешь,
Многих верных... Но сжался! Ты ведь милостью
дивной полна!

* * *

Терпенье и вожделенье выходят из берегов.
Ты к страсти полна презренья, но я, увы, не таков.
Сочувствия полным взглядом хоть раз на меня
взгляни,
Чтоб не был я жалким нищим в чертоге царских
пиров.

Владыка жестокосердный рабов несчастных казнит,
Но есть ведь предел терпенья и в душах его рабов.
Я жизни своей не мыслю, любимая, без тебя.
Как жить одному, без друга, средь низменных и
врагов?

Когда умру, будет поздно рыдать, взывать надо
мною.
Не оживить слезами убитых стужей ростков.

Моих скорбей и страданий словами не описать,
Поймешь, когда возвратишься, увидишь сама —
без слов.

Дервиш богатствами духа владеет, а не казной.
Вернись! Возьми мою душу, служить я тебе готов.
О, небо, продли подруге сиянье жизни ее,
Чтоб никогда не расстались мы в темной дали
веков.

В глазах Красоты презренны богатство и блеск
владык,
И доблесть и подвиг верных, как ни был бы
подвиг суров

Но если бы покрывало упало с лица Лейли, —
Врагов Меджнуна убило б сиянье ее зрачков.

Внемли, Саади, каламу своей счастливой судьбы
И, что ни даст, не сгибайся под ношей ее даров!

* * *

Я нестерпимо жажду, кравчий! Скорей
наполни чашу нам
И угости меня сначала, потом отдай ее
друзьям.

Объятый сладостными снами, ходил я долго
между вами,
Но расставаяся с друзьями: «Прощайте», —
молвил прежним снам.

Перед мечетью проходила она, и сердце
позабыло
Священные михраба своды, подобные
ее бровям.

Я не онагр степной, не ранен, ничьей петлей
не заарканен,
Но от стрелы ее крылатой по вольным не
уйду степям.

Я некогда испил блаженство с той, что
зовется Совершенство...
Так рыба на песке, в мученьях, тоскует
по морским волнам.

До пояса не доставал мне ручей, и я
пренебрегал им;
Теперь он бурным и бездомным вдруг
уподобился морям.

И я тону... Когда ж судьбою я б^уду выброшен
на берег —
О грозном океанском смерче в слезах
поведаю я вам.

И вероломным я не стану и не пожалуюсь
хакану,
Что я сражен ее очами, подобно вражеским
мечам.

Я кровью сердца истекаю, от ревности
изнемогаю,
Так бедный страж дворца рыдает, певцам
внимая по ночам.

О Саади, беги неверной! Увы... Ты на
крючке, как рыба, —
Она тебя на берег тянет; к ней — волей —
не идешь ты сам.

* * *

В дни пиров та красавица сердце мое привлекла,
Кравчий, дай нам вина, чтобы песню она завела.

В ночь на пиршестве мудрых ты нас красотой
озарила.

Тише! Чтобы кутилы не знали, за кем ты ушла!

Ты вчера пиновала. Все видят — глаза твои томны
Я от всех утаю, что со мною вино ты пила.

Ты красива лицом, голос твой мое сердце чарует,
Хорошо, что судьба тебе голос волшебный дала.

Взгляд турчанки — стрела, брови темные выгнуты
луком.

Боже мой! Но откуда у ней эти лук и стрела?

Я — плененный орел, я сижу в этой клетке
железной.
Дверцу клетки открой. И свои распахну я крыла!..
Саади! Был проворен в полете, а в сети попался;
Кто же, кроме тебя, мог поймать его, словно орла?

* * *

Я влюблен в эти звуки, в этот сердце мне ранящий
стон.
Я беспечен; и день мой проплывет неясно, как сон.
Ночи... Ночи бессонные в ожиданье моей
светлоокой,
Но тускнеет пред нею свет, которым весь мир
озарен.

Если вновь приведется мне лицо ее нежное
видеть —
Сам себя я счастливым буду звать до
скончанья времен.

Я — не муж, если скрою свою грудь от камней
порицанья,
Муж душой своей твердой, как щитом, от копья
огражден.

Не изведав несчастий, не достигнешь заветного
счастья,
Кто дождался Новруза, стужу зимнюю вытерпел
он.

Хоть жнецы были мудры, но Лейли они тайны не
знали.
Лишь Меджнун ее ведал, кем был весь урожай их
спален.

Сонм влюбленных, что верой и богатствами мира
играет,
Жатвы не собирает, а несметным добром наделен.
Ты другого арканом уловляй! Мы же — верные
слуги,
Ведь не нужно треножить скакуна, что давно
приручен.
День вчерашний умчался, ну, а завтра пока не
настало.
Саади, лишь сегодня ты и волен в себе и силен!

* * *

Тяжесть печали сердце мое томит,
Пламя разлуки в сердце моем кипит.
Розы и гиацинта мне не забыть,
В памяти вечно смоль твоих кос блестит.
Яда мне горше стал без тебя шербет,
Дух мой надежда встречи с тобой живит.
На изголовье слезы я лью в ночи,
Днем — ожиданье в сердце моем горит.
Сотнею кубков пусть упоят меня,
В чаши отравы разлука их превратит.
Предан печалям, как палачам, Саади!
Не измени мне, иль пусть я буду убит!

* * *

Эй, виночерпий! Дай кувшин с душою яхонта
красней!
Что — яхонт? Дай мне ту, чей взгляд вина
багряного хмельней!

Учитель старый, наш отец, вино большою чашей
пил,
Чтоб защитить учеников от брани лжеучителей.

Скорбей на жизненном пути без чаши не
перенести,
Верблюду пьяному шагать с тяжелой ношей
веселей.

Ты утешаешь нам сердца. Бессмысленной была бы
жизнь
Без солнца твоего лица, что солнца вечного
светлей.

Что я о красоте твоей, о сущности твоей скажу?
Немеем пред тобой хвала молящихся тебе людей.
Пусть держит медоносных пчел разумный старый
пчеловод,
Но тот, кто пьет из уст твоих, мед соберет
вселенной всей.

Ты сердце, как коня, взяла и в даль степную
угнала.
Но если сердце увела, то и душой моей владей!

Или отравленной стрелой меня ты насмерть
поразил,
Или спасительной стрелы душе моей не пожалей.

Предупреди меня, молю, пред тем, как выпустить
стрелу,
Пред смертью дай поцеловать туранский лук
твоих бровей.

Какие муки снес, гляди, с тобой в разлуке Саади,
Так обещай же встречу мне, надеждой радости
повей!

* * *

Я лика другого с такой красотой и негой такой
не видал,
Мне амбровых кос завиток никогда так сердце
не волновал.
Твой стан блистает литым серебром, а сердце, —
кто знает — что в нем?
Но ябедник мускус дохнул мне в лицо и тайны твои
рассказал.
О пери с блистающим ликом, ты вся — дыхание
ранней весны.
Ты — мускус и амбра, а губы твои — красны,
словно яхонт и лал.
Я в мире скиталец... И не упрекай, что следую я
за тобой!
Кривому човгану желаний твоих мячом я
послушным бы стал.
Кто радости шумной года пережил и горя года
перенес,
Тот весело шуму питейных домов, и песням, и
крикам внимал.
Всей жизни ценой на базаре любви мы платим
за сладкий упрек,
Такого блаженства в пещере своей отшельник бы
не испытал.
Не ищет цветник взаимы красоты, живет в нем
самом красота,
Но нужно, чтоб стройный, как ты, кипарис над
звонким потоком стоял.
О роза моя! Пусть хоть тысячу раз к тебе
возвратится весна,
Ты скажешь сама: ни один соловей так сладко,
как я, не певал.

Коль не доведется тебе, Саади, любимой ланит
целовать,
Спасение в том, чтобы к милым ногам лицом ты
скорее припал.

* * *

Я в чащу садов удалился, безумьем любви
одержимый.
Дыханьем цветов опьяненный, забылся —
дремотой долимый.

Но роза под плач соловьиный разорвала свои
ризы,
Раскаты рыдающей песни бесследно покой
унесли мой.

О ты, что в сердцах обитаешь! О ты, что, как
облако, таешь,
Являешься и исчезаешь за тайною неисследимой!
Тебе принеся свою клятву, все прежние клятвы
забыл я.

Обетов и клятв нарушенье — во имя твоё —
несудимо.

О странник, в чьих полах застряли шипы одинокой
печали,
Увидя цветущий весенний цветник, обойди его
мимо.

О, сваленный с ног своим горем, дервиш
безнадежно влюбленный,
Не верь ни врачам, ни бальзаму! Болезнь твоя
неисцелима!

Но если любовь нам запретна и сердца
стремление тщетно,
Мы скроемся в дикой пустыне, ветрами и зноем
палимой.

Все остро-пернатые стрелы в твоём, о кумир мой,
колчане
Пронзят меня... Жертв твоих сонмы умножу я,
раной томимый.
Кто взглянет на лик твой, на брови, подобные
черному луку,
Пусть мудрость свою и терпенье подымет, как
щит нерушимый.
«Зачем, Саади, ты так много поешь о любви?» —
мне сказали.
Не я, а поток поколений несметных поет о
любимой!

* * *

Когда б на площади Шираза ты кисею с лица
сняла,
То сотни истых правоверных ты сразу бы во грех
ввела.
Тогда б у тысяч, что решились взглянуть на образ
твой прекрасный,
У них у всех сердца, и разум, и волю б ты
отобрала.
Пред войском чар твоих я сердце открыл, как
ворота градские,
Чтоб ты мой город разрушенью и грабежу не
предала.
Я в кольцах кос твоих блестящих запутался
стопами сердца,
Зачем же ты, блестя кудрями, лучом лица меня
сожгла?
Склонись, послушай вкратце повесть моих скорбей,
моих страданий!
Ведь роза, освежась росой, стенаью жаждущих
вняла.

Слыша стук у дверей моих, думаю: это она.
Так мираж умирающих манит обманной водой.
Для стрелы твоей цель хороша — дервиша душа.
Кровь его на ногтях твоих рдеет багряною хной.
Твоя речь, как река, в беспредельность уносит
сердца,
Что же соль ты на раны мне сыплешь беспечной
рукой?
Ты прекрасна, и роскошь одежды лишь портит
тебя,
Кисея на лице, словно туча над ясной луной.
Эту за ухом нежную впадинку ты позабуди,
Ты приникни к поле, пропитай ее красной росой.
Да, тюрчанка соблазна полна со свечою в руке,
В сладком уединеньи с тобой, с головою хмельной.
Ты бы вешнего солнца затмила сиянье и блеск,
Если б солнечный лик не скрывала густой кисеей.
Саади, если хочешь, как чанг, быть в объятых
ее, —
Претерпи эту боль, чтобы струн своих выверить
строй.

КАСЫДА

«Не привязывайся сердцем к месту иль к душе
живой.
Не сочтешь людей на свете, не измеришь мир
земной.
Бьет собаку городскую деревенский псарь за то,
что
Не натаскана на птицу и на зверя нюх дурной.
Знай: цветок ланит прекрасных не единственный на
свете,
Каждый сад обильным цветом покрывается весной.
Что ты квохчешь в загородке глупой курицей
домашней?
Почему, как вольный голубь, не умчишься в край
иной?
Вот запутался, как цапля, ты в сетях у
птицелова,
А ведь мог порхать свободным соловьем в листве
лесной?
Ведь земля копыт ослиных терпит грубые удары,
Потому что неподвижна, не вращается луной.
Встреть хоть тысячу красавиц — всех равно
дари вниманьем,
Но удел твой будет жалок, коль привяжешься
к одной.

Смейся и шути со всеми, беззаботный собеседник,
Только сердце от пристрастья оградн стальной
стенной.

Человек ли, в шелк одетый, привлечет тебя,
ты вспомни —
Шелку много на базаре, и за деньги шьет портной.
Лишь безумец доброй волей оковать себя
позволит,

Совість чистую захочет отягчить чужой виной.

Сам виновен, коль заботой ты охвачен за другого
Или тяготы чужие испунил своей спиной.

И зачем лелеять корень, зная впредь, что будет
горек
Плод его и что сладчайший плод возьмешь ты
в миг любой?

Так же скорбен злополучный, в рабство угнанный
любовью,
Как за всадником бегущий заарканенный немой.

Нет, мне добрый друг потребен, на себе несущий
ношу,
А не тот, кому служить я должен клячей ломовой.

Ты склонись на дружбу, если верного отыщешь
друга,
Если ж нет — отдерни руку, то не друг, а недруг
злой.

Что болеть мне о бездушном! Он самим собою
занят
И не думает о грозных бедах, стрясшихся со мной!

Если друг обидой черной на любовь тебе ответил —
Где же разница меж дружбой и смертельною
враждой?

Так однажды долгой ночью, погружен в свои
раздумья,
Я лежал без сна и спорил до рассвета сам с собой.
Сколько душ людских на свете жаждут благ
живого чувства,
Словно красок и картинок дети, чистые душой!
Я же сердцем отворотился от единственного друга...
Но меня схватила верность властно за полу рукой.
«О, как низко поступил ты! — гневно мне она
сказала. —
Иль забыл ты малодушно клятвы, данные тобой?
Сам любви ты недостойн, коль отвергнул волю
милой,
Верный друг не отворотится от души ему родной.
Ведь избрав подругой розу, знал, что тысячи
уколов
Перенести ты должен будешь, — у любви закон
такой.
Как сорвать ты смог бы розу, о шипы не
уколовшись,
Не столкнувшись с клеветой и завистливой
молвой?
Что вопросы веры, деньги, жизнь сама, все блага
мира,
Если друг с тобой, когда он всей душой навечно
твой!
Неужель твой ясный разум кривотолками отравлен?
Берегись доверья к лживым и общенья с клеветой!
Сам ты знаешь — невозможно обязать молчанью
зависть,
Так стремись ко благу друга, прочих — из дому
долой!

Не скажу я, что ты должен выносить обиды
друга,
Но обиду недоверья сам сначала с сердца смой.
От любви не отпирайся. Запирательства любые,
Помни, приняты не будут пронцательным судьей.
Мудрый истины не строит на одном предположенье,
Света истины не скроешь никакою чернотой.
Ты не верь словам старухи, что плодов она не
любит,
Просто до ветвей с плодами не дотянется рукой.
Человек с душой широкой, но, увы, с пустой
казною
И хотел бы, да не может сыпать золото рекой.
Ты же, Саади, владеешь морем сказочных
сокровищ, —
Пусть же царственная щедрость вечно дружит
с красотой...
Так оставим словопренья, дай залог любви
высокой:
Приходи, сладкоречивый, к нам с газелью золотой!»

К Ы Т Ь А

* * *

О утренний ветер, когда долетишь до Ширази,
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк.
Шепни им, что я одиночек, что я гибну в изгнанье,
Как рыба, прибоем извергнутая на песок.

* * *

Если в рай после смерти меня поведут без тебя, —
Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть.
Ведь в раю без тебя мне придется сгорать, как
в аду.
Нет, аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

* * *

Красавица и в рубище убогом,
И в бедности всех будет затмевать.
А той — уродине в парче и злате —
Покойников пристало обмывать.

* * *

Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь
петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов
не связал!

Смотри, как в помыслах высок владыка слова
Саади, —
Он пел любовь, одну любовь — земных владык
не восхвалял.

* * *

Я хочу в уединенье до рассвета быть с тобой.
В неизвестности и в тайне от врагов и от друзей.
Это яблоко блестящей выи выгнутой твоей
Я привлечь к себе хотел бы за човган твоих кудрей.
За грехи да будет кара! Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злоба и гоненья все сильнее?

* * *

Побежденным, угнетенным и томящимся в оковах
Молви: «Мука не навечно послана судьбою вам.
Срок настанет — ваши руки онемевшие развяжут,
И, во сне схватив тирана, крепко свяжут по рукам».

* * *

Ты, падишах, не обольщайся словами низкого
льстеца!
Ища корысти, он умеет коварства сети расставлять.
Невежда, пьющий кровь народа, — будь он
носителем венца,
Не будет мудр от слов хатиба, не может
справедливым стать.

* * *

Мне говорят: «Иди, сразись с врагом, не зная
страха,
Ты мужествен и духом бодр, и твой надежен
конь!»

Но за кого я должен стать, скажите, грудой праха?
Не пьян я, не владеет мной безумия огонь.

Ты, шах, мне бросить на ладонь два золотых
жалешь.

Что ж, воин голову свою положит на ладонь?

* * *

Слышал я, промолвил кто-то: «Наши доблести —
богатство!

Нам пособники — дирхемы на любой тропе
земной.

Без богатства власть ничтожна и величье
невозможно,

Без казны султан не сможет повести войска на бой.
Человек и с громкой славой, но без денег, схож,

ты скажешь,
С женщиною безобразной под красивою чадрой.

Муж прославленный, но бедный, сходен с птицею
заморской,

С птицей в ярком оперенье, заморенной и больной».
Восхваляющему деньги собеседник так ответил:

«Муж бывает возвеличен только доблестью прямой.
Властелин с дурною славой вызывает отвращенье,

Хоть бы он, кичась богатством, дом построил
золотой.

Не сокровища, а доблесть подобает государю!
Доблесть мудрых не заменишь всей Каруновой
казной».

КОММЕНТАРИИ

Азраил — ангел смерти.

Айван — крытая терраса; иногда, в старой литературе, обозначает царский приемный покой.

Ануширван (Хосров Ануширван) — иранский царь, прозванный Справедливым (V век).

Ахриман — в древнеиранской зороастрийской религии бог тьмы и зла.

Байрам — религиозный праздник у мусульман шиитского толка; дословно — праздник.

Бахрам — популярный персонаж героических и романтических произведений.

Баязид (Абу Йезид Тейфур) — мусульманский подвижник (VIII—IX вв.)

Бейт — двестишие.

Вамык — герой дастана «Вамык и Узра» поэта XI века Унсурри, образ несчастного влюбленного.

Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.

Гулистан (гюлистан) — буквально — цветник, розовый сад, символ цветущей страны. Своему замечательному произведению Саади и дал название «Гулистан» («Розовый сад»). Это своеобразный сборник коротких рассказов и поэтических афоризмов, в которых проза, нередко рифмованная, переплетается со стихами. Большинство из стихов включены в настоящую книгу. «Гулистан», как «Бустан» и другие творения великого поэта, вошли в золотой фонд таджикской классической литературы.

Гулам — раб, слуга; употребляется и в значении «воин-телохранитель».

- Дара — иранский царь Дарий (522—486 гг. до н. э.).
- Дервиш — странствующий мусульманский монах.
- Джабраил — библейский архангел Гавриил.
- Джамшид (Джемшид) — легендарный царь древне-го иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.
- Джейхун — старое, арабское название Амударьи.
- Див — дьявол, злой дух.
- Дирхем (драхма) — мелкая монета.
- Зулейха (Зюлейка) — героиня дастанов многих восточных поэтов.
- Зухал — планета Сатурн, считалась предвестницей бед.
- Иблис — отверженный ангел, сеющий смуту и зло.
- Иса — Иисус Христос; причисляется мусульманами к числу великих пророков.
- Искандер — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.).
- Кааба — мусульманская святыня в Мекке.
- Кази — мусульманский судья.
- Калам — тростниковое перо.
- Карун (библ. Корей) — по мусульманским преданиям, богач, обладающий несметными сокровищами. За скупость был проклят и поглощен землей со всем богатством.
- Касыда — торжественная (парадная) ода. Один из распространенных жанров восточной поэзии.
- Кыт'а — форма лирической поэзии. В таких стихах поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жаловался на судьбу и т. д.
- Кинтар и Кират — меры веса на мусульманском Востоке.
- Ковсар (Ковсер) — по легенде — источник в раю.
- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивалась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.

- Лукман — легендарный врач и мудрец, якобы проживший 4400 лет благодаря лекарственным травам, которые ему удалось открыть.
- Мекка — священный город у мусульман.
- Миср — Египет.
- Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.
- Мобед — в «Бустане» Саади употребляется в значении «мудрец».
- Муарриф — слуга, развлекающий гостей по рангам, по положению в обществе.
- Мухтасиб — надзиратель за соблюдением основных положений ислама, за нравственностью горожан и порядком в городе.
- Мюрид — последователь какого-либо духовного наставника.
- Накиб — глава общины.
- Намаз — мусульманская молитва.
- «Низамийя» — духовное училище в Багдаде, где учился Саади.
- Новруз — Новый год, отмечающийся в некоторых странах Востока в день весеннего равноденствия.
- Рустам (Рустем) — легендарный богатырь, чьи подвиги описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.
- Саъд — имя одного из древних иранских правителей.
- Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.
- Сурайя — созвездие Плеяды.
- Суруш — ангел-вестник. Иногда — эпитет архангела Гавриила.
- Суфий — последователь суфизма, мистической философии ислама, возникшей в IX веке.
- Танур — печь, в которой в Иране пекут хлеб.
- Туран — название Ср. Азии в старой литературе.

- Факих — законник, законовед у мусульман.
- Фаридун — имя мифического царя.
- Фарсанг — мера длины у иранцев.
- Фейд — пустыня в Хиджазе, на пути в Мекку.
- Фирдоуси — великий таджикско-персидский поэт XI в.
- Хадисы — изречения пророка Мухаммеда и предания о нем.
- Хадж — паломничество, совершаемое мусульманами в Мекку.
- Хатам — легендарный богач, отличающийся щедростью.
- Хатиб — проповедник.
- Хорадж — налог, земельная подать.
- Хосров — прозвание некоторых иранских царей из династии Сассанидов.
- Хушьяр — иранский астроном (X век).
- Хырка — власяница, рубище, одеяние дервишей.
- Шам — Сирия.
- Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы; старшина племени.
- Шибли (Джафар ибн-Юнус Шибли) — мусульманский подвижник IX века.
- Шираз — древний город Ирана. Здесь в 80-х годах XII века родился Саади (полное имя — Муслихад-дин Абу Мухаммед Абдаллах ибн-Мушрифад-дин Саади Ширази.)
- Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.
- Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.
- Юнан — Греция.
- Юнус — библейский Иона, якобы проглоченный китом.
- Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

„Гулистан“. Отрывки. Перевел А. Старостин.	3
„Бустан“. Отрывки. Причина написания книги. Перевел В. Державин.	27
Из первой главы. О справедливости, мудрости и рассудительности. Перевел В. Державин.	30
Из второй главы. О благотворительности. Пере- вел В. Державин.	49
Из третьей главы. О любви, любовном опьянении и безумстве. Перевел В. Державин.	62
Из четвертой главы. О скромности. Перевел А. Старостин.	73
Из пятой главы. О довольстве своим жребием. Перевел А. Старостин.	84
Из шестой главы. О довольстве малым. Пере- вел А. Старостин.	88
Из седьмой главы. О воспитании. Перевел А. Старостин.	94
Из восьмой главы. О благодарности за благо- получие. Перевел А. Старостин.	107
Из девятой главы. О покаянии и разумном об- разе действий. Перевел А. Старостин.	111
Газели. Перевел В. Державин.	123
Касыда. Перевел В. Державин.	138
Кытъя. Перевел В. Державин.	143
Комментарии	146

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

СААДИ

Избранное

Перевод с фарси

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1978

На обложке и в цветных вкладках даны миниатюры, созданные к старинным рукописям Саади, и фотография гробницы поэта в Ширазе.

Техредактор Г. Ломиворотова

Корректор З. Забровская

Сдано в набор 31/III-77 г. Подписано в печать 22/III-78 г. Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 5,56+7 вкл. Уч.-изд. л. 5,64. Тираж 100 000. Заказ № 778. Изд. № 222. Цена на мелованной бумаге — 90 коп., на типографской бумаге — 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана.
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

سعدی شیرازی شاعر قرن سیزدهم ایران
یکی از کلاسیکهای ادبیات جهانی و مصنف آثار جاوید

«بوستان» و «گلستان» میباشند.
در این مجموعه گلچین از این آثار و اشعار غنای ساعده

تدوین کنند - داورنده جایزه فردوسی شورما سلام شامحمدف

ترجمان - کرمانتارستانستین، ولادیمیر دروین

رداکتو - بویریمورن

تهاسکند - ۱۹۷۷